

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 6

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2022

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

- Б.И. Пружинин, В.А. Лекторский, С.Ю. Бородай, Н.А. Касавина, В.А. Конев, И.Ф. Михайлов, К.А. Павлов-Пинус, А.В. Парибок, Р.В. Псху, Л.Т. Рыскельдиева, А.В. Смирнов, В.К. Солондаев – Концепция «логики смысла» А.В. Смирнова и философия сознания (материалы «круглого стола»)..... 5**

Философия и общество

- Б.В. Межуев – Диалектика Контрпросвещения..... 45**
Н.Ю. Козлова – Публичность как проблема философии: возвращаясь к идеям Дж. Дьюи..... 58
Л.В. Клепикова, В.С. Мурманцев – Значение феномена границы и его социальная трансформация в период первой «волны» COVID-19 и локдауна в России..... 68

Философия и наука

- А.В. Коржуев, Ю.Б. Икренникова, З.А. Кулиев, Е.Л. Рязанова, Е.Н. Шадрина – Педагогика в созвездии наук: методологический диалог и «перенос знаний»..... 75**
С.В. Пирожкова – Образ будущего и сценарии развития науки как культурного феномена..... 87
А.С. Павлов – Христианский физикализм: на рубежах православной антропологии и аналитической философии сознания..... 98

Из истории отечественной философской мысли

- К.Б. Ермишина** – Евразийство с точки зрения пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева..... 109
- А.А. Воробьев** – От Москвы к Океану: художественно-философское осмысление образца столицы в трудах Л.М. Леонова..... 120

История философии

- С.Л. Катречко** – Кантовский «коперниканский переворот»: синтез эмпирического реализма и трансцендентального идеализма.....131
- А.В. Щипков, В.А. Щипков** – Марксизм как альтернативный проект внутри секуляризованного протестантизма..... 142

Философия и культура Японии

- М.В. Торопыгина** – Легенда Тайма-мандалы..... 153
- История происхождения мандалы храма Тайма.
Пер. со старояп. и примеч. М.В. Торопыгиной..... 158
- М.В. Бабкова** – Женщины и Путь Будды в 19-м свитке «Собрания стародавних повестей»..... 164
- Собрание стародавних повестей. Свиток 19-й. Избранные рассказы о женщинах.
Пер. со старояп. и примеч. М.В. Бабковой..... 172
- И.В. Горенко, Н.Н. Трубникова** – «Добрые и мудрые друзья», *дзэнтисики*, в японской буддийской мысли..... 176
- А.Н. Мещеряков** – Планирование семьи и инфантицид в Японии периода Токугава..... 190
- С.А. Родин** – Высочайшие выезды Хирохито: изменение образа японского правителя в XX в. (на примере функции движения).....202

Критика и библиография

- О.Т. Ермишин** – Перекрестки культур: Александр Койре, Александр Кожев, Исайя Берлин / Отв. ред. О.Л. Грановская, Д.Н. Дроздова, А.М. Руткевич.....214
- Памяти Николая Ивановича Лапина (1931–2021)..... 217
- Ж.Т. Тощенко** – Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход..... 220
- Contents..... 223

Концепция «логики смысла» А.В. Смирнова и философия сознания (материалы «круглого стола»)*

© 2022 г. Б.И. Пружинин^{1**}, В.А. Лекторский^{2***}, С.Ю. Бородай^{3****},
Н.А. Касавина^{4*****}, В.А. Конев^{5*****}, И.Ф. Михайлов^{6*****}, К.А. Павлов-Пинус^{7*****},
А.В. Парибок^{8*****}, Р.В. Псху^{9*****}, Л.Т. Рыскельдиева^{10*****},
А.В. Смирнов^{11*****}, В.К. Солондаев^{12*****}

^{1, 2, 3, 4, 6, 7, 11} Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

⁵ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
Самара, 443086, Московское шоссе, д. 34.

^{8, 9} Российский университет дружбы народов, Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

¹⁰ КФУ имени В.И. Вернадского, РК, Симферополь, 295007, проспект Вернадского, д. 4.

¹² Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
150003, Ярославль, ул. Советская, д. 14.

** E-mail: prubor@mail.ru

*** E-mail: v.lektorsky@yandex.ru

**** E-mail: sergey_boroday@inbox.ru

***** E-mail: kasavina.na@yandex.ru

***** E-mail: vakonev37@mail.ru

***** E-mail: ifmikhailov@iph.ras.ru

***** E-mail: pavlov-koal@yandex.ru

***** E-mail: paribok6@gmail.com

***** E-mail: rpskhu@mail.ru

***** E-mail: ryskeldieval@gmail.com

***** E-mail: public@avsmirmov.info

***** E-mail: solond@yandex.ru

Поступила 15.03.2022

В феврале 2022 г. состоялся «круглый стол», посвященный обсуждению концепции «логики смысла», изложенной академиком А.В. Смирновым в ряде монографий и статей. Участники сосредоточили внимание на следующих вопросах:

- Какова практическая значимость тезиса о возможности изначально вариативных путей смыслополагания?

---

* Исследование А.В. Смирнова проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798, внутренний номер 13.1902.21.0022).

Работа А.В. Парибка и Р.В. Псху подготовлена в рамках Соглашения между Министерством Образования и Науки РФ и Российского университета дружбы народов № 075-15-2021-603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии». Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

- Какие философские выводы можно сделать, опираясь на тезис о не-универсальности разума в его европейском понимании и неуниверсальности философии в ее европейском варианте?
- Какие концептуальные перспективы открывает трактовка процессуальности и субстанциальности как эпистемологических стратегий?
- Можно ли признать вариативность способности суждения, то есть вариативность способов субъект-предикатного связывания, уточняя кантовский тезис о ее инвариантности?
- Возможна ли П-логика как органон строгого мышления?
- Если каждая из больших культур опирается на особую логику смыслополагания, то будет ли логико-смысловая культурология и типология больших культур одновременно исследованием сознания в его вариативности и типологической полноте?
- Оказывается ли философское востоковедение принципиально необходимым для построения работающей философии сознания?

В ходе обсуждения возникли продуктивные дискуссии, открывающие перспективы дальнейшего исследования данной проблематики. Ниже публикуются материалы «круглого стола».

Ключевые слова: «логика смысла», процессуальная логика, субстанциальность, философия сознания, эпистемология.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-6-5-44

Цитирование: Пружинин Б.И., Лекторский В.А., Бородай С.Ю., Касавина Н.А., Конев В.А., Михайлов И.Ф., Павлов-Пинус К.А., Парибок А.В., Псху Р.В., Рыскельдиева Л.Т., Смирнов А.В., Солондаев В.К. Концепция «логики смысла» А.В. Смирнова и философия сознания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2022. № 6. С. 5–44.

The A.V. Smirnov's Concept of Logic of Sense and Philosophy of Consciousness (Proceedings of the "Round Table")*

© 2022 Boris I. Pruzhinin^{1**}, Vladislav A. Lektorsky^{2***}, Sergey Yu. Boroday^{3****},
Natalia A. Kasavina^{4*****}, Vladimir A. Konev^{5*****}, Igor F. Mikhailov^{6*****},
Konstantin A. Pavlov-Pinus^{7*****}, Andrey V. Paribok^{8*****}, Ruzana V. Pskhu^{9*****},
Lora T. Ryskeldiyeva^{10*****}, Andrey V. Smirnov^{11*****},
Vladimir K. Solondaev^{12*****}

^{1, 2, 3, 4, 6, 7, 11} *Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

⁵ *Samara National Research University, 34, Moskovskoe Sh., Samara, 443086, Russian Federation.*

^{8, 9} *Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation.*

¹⁰ *Vernadsky Crimean Federal University,
4, Prospekt Vernadskogo, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation.*

¹² *P.G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya str., Yaroslavl, 150003, Russian Federation.*

** E-mail: prubor@mail.ru

*** E-mail: v.lektorsky@yandex.ru

**** E-mail: sergey_boroday@inbox.ru

***** E-mail: kasavina.na@yandex.ru

***** E-mail: vakonev37@mail.ru

***** E-mail: ifmikhailov@iph.ras.ru

***** E-mail: pavlov-koal@yandex.ru

***** E-mail: paribok6@gmail.com

***** E-mail: rpskhu@mail.ru

***** E-mail: ryskeldieval@gmail.com

***** E-mail: public@avsmirnov.info

***** E-mail: solond@yandex.ru

Received 15.03.2022

In February 2022, a "round table" was held to discuss the concept of the "logic of sense", elaborated by A.V. Smirnov in a number of monographs and articles. The participants focused their attention on the following questions:

- What are the implications of the thesis about the possibility of initially variable ways of sense-positing?

---

* The research of Andrey V. Smirnov was carried out with a financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project "New tendencies of the humanities and social sciences development in the context of digitalization and new social problems and threats: interdisciplinary approach", Agreement No. 075-15-2020-798, inside number 13.1902.21.0022).

The work of Andrey V. Paribok and Ruzana V. Pskhu was prepared within the framework of the Agreement between the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Peoples' Friendship University of Russia No. 075-15-2021-603 on the topic: "Development of a new generation methodology and intellectual base for the study of Indian philosophy in its relationship with other leading philosophical traditions of Eurasia". The publication was made with the support of the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

- What philosophical conclusions are implied by non-universality of European reason and non-universality of philosophy in its European version?
- What are the epistemological perspectives of logic of substance and logic of process?
- Do we recognize the variability of the ability of judgment, i.e. variability of methods of subject-predicate linking, modifying Kant's thesis postulating its invariance?
- Is P-logic possible as an organon of probative thinking?
- If all the big cultures are based on specific logics of sense-positing, will then the philosophical culturology and typology of big cultures be a study of consciousness in its variability and typological completeness?
- Is a philosophical study of non-Western cultures indispensable to philosophy of consciousness?

The discussion opened up prospects for further research on this issue. The round table proceedings are published below.

Keywords: logic of sense, process logic, substance logic, philosophy of consciousness, epistemology.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-6-5-44

Citation: Pruzhinin, Boris I., Lektorsky, Vladislav A., Boroday, Sergey Yu., Kasavina, Natalia A., Konev, Vladimir A., Mikhailov, Igor F., Pavlov-Pinus, Konstantin A., Paribok, Andrey V., Pskhu, Ruzana V., Ryskeldiyeva, Lora T., Smirnov, Andrey V., Solondaev, Vladimir K. (2022) 'The A.V. Smirnov's Concept of Logic of Sense and Philosophy of Consciousness (Proceedings of the "Round Table")', *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2022), pp. 5–44.

Лекторский: Я взял на себя функцию ведущего «круглого стола», потому что знаю хорошо работы Андрея Вадимовича Смирнова и имел возможность высказываться по поводу его идей. Я хотел бы, чтобы Андрей Вадимович первым выступил, рассказал о своих идеях, потом остальные участники подключатся к обсуждению.

Смирнов: Спасибо большое. Во-первых, спасибо «Вопросам философии» за организацию этого «круглого стола». Спасибо всем участникам, это для меня очень важно и большая честь. Владислав Александрович, Вам спасибо, что вы взяли вести этот «круглый стол». Предлагаю тезисы для обсуждения.

Логика смысла открывает предельные основания смыслополагания – а значит, в том числе и предельные основания философии, остающиеся недоступными для самой философии. Логика смысла может быть понята как философия философии.

Это значит, в частности, что логика смысла открывает, во-первых, основание необосновываемого в отдельных традициях (европейская и др.) круга базовых категорий и логических законов (например, бытие, материальное, идеальное и т.д.; закон непротиворечия и закон сохранения – для европейской традиции), а во-вторых, неинвариантность любого из подобных исходных кругов категорий-и-законов, то есть неустрашимую множественность традиций смыслополагания (традиций мышления, философии, больших культур). Их изучение в этом качестве становится исследовательской задачей – задачей прочитывания архива больших культур человечества как полноты развития человеческого сознания. Вместо традиционного линейного универсализма логика смысла предлагает универсализм трехмерный как возможность собрать все возможные варианты линейного универсализма.

Логика смысла открывает вариативность путей смыслополагания как исходно различных способов формирования субъект-предикатных связей, выступающих как основной тип связности для человеческого сознания. (Это можно иначе выразить как вариативность способности суждения, открываемую как система априорных законов.) Связность, схватываемая сознанием как субъект-предикатная связность, основывается

на интуиции целостности. Вариативность интуиций целостности обеспечивает вариативность субъект-предикатного связывания и, следовательно, вариативность логик смыслополагания. Логика смысла, таким образом, работает на границе между неосознаваемым и осознанным, прослеживая возникновение субъект-предикатных склеек на основе разных интуиций целостности. Логика смысла показывает исток и содержательного, и логического в их взаимной обусловленности.

Чувственное восприятие, язык, теоретическое мышление – основные узлы эпистемной цепочки, то есть взаимосвязанных когнитивных актов, опирающихся на какую-либо из логик смыслополагания. Субстанциальная логика (С-логика) и процессуальная логика (П-логика) задают каждая собственную эпистемную цепочку. Никакая из названных сторон деятельности сознания не может быть до конца понята без указания на лежащий в ее основе вариант логики смыслополагания, задающий логико-содержательную соотношенность. Понимание всегда – явное или неявное возведение к интуиции целостности через раскрытие субъект-предикатной связности, что в принципе недоступно инструментарию знаковой теории.

Человеческое сознание способно к любой из логик смыслополагания. Большая культура возникает тогда, когда какая-то из них получает решающее преобладание в ходе выстраивания общественных институтов и разворачивания культурных практик. Это преобладание поддерживается любой большой культурой в сознании ее носителей, что никогда не вытесняет до конца способность к другим логикам смыслополагания.

Лекторский: Спасибо, Андрей Вадимович. Дорогие друзья, кто хотел бы начать обсуждение?

Бородай: Здравствуйте, коллеги! Я внимательно ознакомился с теорией Андрея Вадимовича Смирнова еще в 2014–2015 гг. и с тех пор слежу за ее эволюцией. Мне кажется, что, несмотря на заметное продвижение в разработке концептуального аппарата и отдельных деталей, она не только существенно не меняется в своих принципах, но лишь упрощает их. Я согласен с Андреем Вадимовичем в том, что *доминирующие* способы смыслополагания в разных культурах различны. Наверное, существует какой-то базовый набор этих способов, который еще предстоит определить по результатам изучения других больших культур. Пока в предложенной модели он ограничен С-логикой и П-логикой. Вряд ли имеется что-то вроде абсолютной обусловленности той или иной культуры определенным типом логики (похоже, Андрей Вадимович тоже так не считает): скорее, нужно говорить о доминантах, которые могут быть по-разному распределены не только в исторической перспективе, но и в различных срезах культуры (например, в интеллектуальной культуре может доминировать С-логика, а в каких-то сферах народной культуры – П-логика; на самом деле, систематически эта тема еще не изучалась). Ввиду того что проведенные исследования и методологически, и по глубине охвата являются новаторскими (несмотря на неоправданные попытки – что делают некоторые критики – рассматривать их в одном ряду с разного рода «релятивистскими» моделями), еще многое предстоит переосмыслить и уточнить – надеюсь, это будет осуществляться грядущими поколениями исследователей. Со своей стороны я хотел бы обратить внимание на те области, которые кажутся мне наиболее перспективными – в немалой степени потому, что они пересекаются со сферой моих интересов. Я уже писал об этом в монографии «Язык и познание: введение в пострелятивизм» (2020), так что за подробными разъяснениями отсылаю к ней. Сейчас я лишь кратко выскажу свои основные соображения.

Первая область, которая затрагивается в теории Андрея Вадимовича (пусть и в особой оптике), но еще нуждается в разработке, – это тема *схематизации*. Схемам посвящена большая литература, начиная с И. Канта. Здесь я имею в виду кое-что более конкретное: схемы в том смысле, в каком они понимаются в современной когнитивной семантике и теории воплощенного познания (*embodied cognition*). В этом значении данное понятие было введено М. Джонсоном в 1987 г., и если попытаться представить его наиболее актуальное определение, то можно сказать следующее: схема – это доконцептуальный сенсомоторный паттерн, который формируется в процессе онтогенеза,

составляет значительную часть «когнитивного бессознательного» и служит основой для развития абстрактного мышления и многих абстрактных концептов. В когнитивном плане схема находится между понятием и чувственностью: она недостаточно абстрактна, чтобы ее можно было охарактеризовать как полноценное понятие, и в то же время она более абстрактна, чем конкретный чувственный опыт, который может быть структурирован и описан в соответствии с ее принципами. Атрибут «образный» по отношению к схеме призван подчеркнуть ее тесную связь с перцепцией, притом не только с визуальным компонентом, но с образностью в широком смысле (зрительной, слуховой, моторной и т.д.). Схема онтогенетически первична в сравнении с концептуальным мышлением и допускает актуализации на разных уровнях сознания в режиме реального времени, то есть она является постоянно активной когнитивной структурой, которая при определенных обстоятельствах может быть выведена с периферии внимания в его фокус. Кроме того, каждая схема мультимодальна и обладает имманентной логикой.

Моя главная идея состоит в том, что доминирование П-логики в арабо-мусульманской культуре обеспечивается доминированием схемы действия (действитель/действие/претерпевающее), которое, в свою очередь, обеспечивается культуроспецифичным развитием индивида. По-видимому, существуют *базовые схемы*, становление которых предопределено характером телесной конституции человека и универсальными сенсомоторными способами ее развертывания в раннем детстве. Часть из них являются «врожденными» в прямом смысле слова, то есть они формируются в утробе и к моменту рождения уже функционируют; другие формируются в раннем детстве и отражают универсальные способы взаимодействия человека с окружающим миром. Например, то, что известно в литературе как «схема тела» – то есть структурированный набор проприоцептивных «ощущений» в их связи с пространственным окружением, – является врожденным. Вероятно, врожденными также являются схемы верх/низ, впереди/сзади и вместилище (внутри/снаружи). В ранний период формируются схемы движение, связь, путь, центр/периферия и др. В более поздний период формируются прочие, более сложные схемы, такие как слева/справа и набор комплексных систем ориентации (встроенная, абсолютная и относительная).

Здесь важно понимать две вещи. Во-первых, указанные схемы не являются репрезентациями в привычном смысле этого слова. Мы мыслим их как репрезентации (способ передачи научного знания вообще преимущественно репрезентационалистский), но в своей основе они, похоже, являются чем-то вроде сенсомоторных паттернов взаимодействия, которые кодируются в сознании как спатIALIZEDованные прото-репрезентации – по типу топологических. Во-вторых, с какого-то момента *траектория* развития схем становится культуроспецифичной и лингвоспецифичной. Этот второй тезис особенно важен. Культурные практики (и, в частности, язык) представляют собой объективированный опыт предыдущих поколений, который особым образом интернализируется каждым новым членом культуры. Этот опыт таков, что, с одной стороны, допускает интернализацию любым человеческим индивидом, то есть является универсально интернализируемым, а с другой – выступает опытом конкретной культурной группы, то есть является специфичным и относительным. Таким образом, каждый индивид может считаться носителем как универсальных «человеческих» (видовых) схем, так и особых схем, характерных для данной культуры и для данного языка (которые, в свою очередь, выстраиваются на основе универсальных, но в процессе интернализации культурного опыта). Важно понимать, что практики, через которые транслируются культуроспецифичные схемы, очень разнообразны: конечно, прежде всего, это вербальный язык, содержащий уникальные фонологические, лексические, морфосинтаксические и просодические паттерны; однако большой значимостью обладает также конвенциональная жестикаляция, способы обращения с предметами, многочисленные телесные практики, ритуалы и т.д. Иными словами, когда мы рассматриваем только один из факторов – например, язык и интеллектуальную культуру, – то имеется опасность редукции всего комплекса схем к какой-то одной «магистральной» схеме.

Впрочем, вполне очевидно, что именно язык и интеллектуальная культура (в широком смысле слова) являются стержнем любого общества, поэтому они нуждаются в изучении в первую очередь.

Вторая область в теории Андрея Вадимовича, которая интересна мне, как раз связана с тем, что я только что сказал: это проблема *факторов*, обеспечивающих особую траекторию развития сознания. Мне кажется, что в логико-смысловой теории этой теме уделено недостаточно внимания. Андрей Вадимович утверждает, что на доминирование С-логики или П-логики оказывает влияние «культурная принадлежность» и что их основа – «мышление». С первым утверждением можно согласиться. Выше я уже указал, что, конечно, трансляция идет через культурные практики. Однако можно спросить: а какие именно практики оказываются решающими? Будет ли арабоязычный человек, выросший в Европе, демонстрировать П-логику? А будет ли ее демонстрировать носитель индоевропейского языка, выросший в арабской или исламской культуре? Мы пока не знаем точного ответа. Что касается второго утверждения – утверждения о «мышлении», – то здесь как будто предполагается, что «мышление» (или «способы смыслополагания») – это что-то устойчивое и дающееся в готовом виде. Конечно, к какому-то возрасту, может быть, годам к 8–10, основные мыслительные процедуры уже сформированы. Но формируются они в более ранний период и под влиянием целой совокупности факторов, в том числе языкового фактора. Структура языка и конвенциональный способ говорения (или узус, «речь») – это не то, что определяется «мышлением» носителя данной культуры, но то, что определяется «мышлением» данного культурного сообщества в его исторической динамике. Они усваиваются носителем языка в *готовом* виде, и это происходит задолго до того, как «мышление» оказывается полностью сформированным. Главный тезис, который высказывается в моей монографии, состоит в том, что *именно структура языка и конвенциональный способ говорения являются теми решающими факторами, которые обеспечивают культуроспецифичное смыслополагание*. Более того, я рассматриваю многочисленные механизмы такого обеспечения, и здесь надо сказать, что формативное воздействие в раннем детстве – лишь один из таких механизмов. Не менее важный механизм – перманентное регулирование через внутреннюю речь, то есть влияние на восприятие и мыслительный процесс в режиме реального времени. Имеются многочисленные эксперименты, которые подтверждают этот тезис. Кроме того, о наличии такого механизма влияния говорят исследования билингвизма, вербальная интерференция, неинвазивная стимуляция мозга и др.

На самом деле, этим проблема не снимается, но лишь отодвигается в иную плоскость: встает вопрос о *причинах* доминирования тех или иных схем, формирующих определенный способ смыслополагания, в языке данного сообщества. Но на подобные вопросы единственный хороший ответ таков: эти способы смыслополагания сложились исторически, и они отражают специфические тенденции, ограниченные человеческим опытом (его телесностью и укорененностью в структурированной действительности). Похожая проблема имеется в лингвистике. Каждый язык имеет уникальную внутреннюю организацию. Однако можно выделить типы этой организации – например, самая общая типология по индексу синтеза: аналитические, синтетические и полисинтетические языки. Для отдельных языков мы даже можем предположить эволюцию от аналитизма к полисинтетизму и назад. Однако мы точно не знаем, почему это происходит и почему в той или иной культуре начинает доминировать определенный тип. Иначе говоря, нам известно, что в языках мира в среднем слово состоит из определенного количества морфем (от 1 до 4), то есть имеются *ограничения на вариации* и слово в среднем не может состоять из 20 или 50 морфем, но почему ситуация именно такова, можно лишь предполагать (например, многие языковые ограничения, вероятно, связаны с особенностями рабочей памяти и реалий коммуникации). Ровно так же обстоит дело и с различными типами смыслополагания: похоже, их количество ограничено, и они исторически могут меняться и переходить друг в друга (либо возможны какие-то смешанные варианты), но почему в данном культурном сообществе к данному моменту

(к моменту фиксации нами) возобладали определенный тип смыслополагания – на это мы вряд ли будем способны ответить, хотя нужно пробовать, ведь надежда умирает последней.

Таким образом, как мне представляется, теория Андрея Вадимовича открывает очень важную исследовательскую перспективу, а уточнение и развитие отдельных ее аспектов – дело будущего. Проблемой логико-смысловых конфигураций, безусловно, должна заниматься группа разноплановых специалистов.

Рыскельдиева: Я хочу высказать три основных тезиса по поводу работ Андрея Вадимовича вообще и по поводу процессуальной логики в частности.

Первый мой тезис заключается в том, что современная европейская философская культура *готова принять и понять процессуальную логику смыслополагания*. И это связано вот с какими обстоятельствами: сама современная европейская философия очень хорошо понимает и очень, как мне кажется, громко провозглашает тезисы о необходимости каких-то радикальных изменений. В XXI в. эти высказывания осуществляются и, так сказать, слева, и, так сказать, справа. Слева это звучит громче и значительнее. Левые по духу и стилистике мыслители сами не против называть себя спекулятивными реалистами, они сердитые и, в определенном смысле, даже разгневанные, а разгневаны они на кантианство, которое, по их мнению, создало своеобразный философский тупик и заставило мысль двигаться как бы по кругу. По кругу именно потому, что бытие теперь у нас бытие мышления, а мышление – мышление бытия. Этот эффект они называют корреляционизмом и призывают каким-то образом с ним покончить. Тогда, по их мнению, у нас появится выход к настоящей, действенной, реальной философии. Обязательно назову Резу Негарестани, иранца по происхождению (самый из них гневный, мне кажется, самый сердитый – инженер по образованию, ай-тишник по духу), он призывает взорвать европейскую философию изнутри ее же собственными методами, сделать философию программой, а затем из большого количества программ создать гигантский IT-интернационал, который и будет, по его мнению, искомым «общим искусственным интеллектом». Но нападки на современную европейскую философию можно увидеть и «справа», из академической среды. Именно оттуда вышла так называемая метафилософия (никак не могу смириться с тем, что мы опять говорим о том, что такое философия!), существует одноименный журнал. То есть в философии может произойти то, что произошло с этикой, которая сейчас существует в основном в виде метаэтики. Так вот, мне кажется, что в ответ на ожидание и требование новой, реальной (*res* – «вещь») философии именно логика смысла в интерпретации А.В. Смирнова предлагает нам такую особенную вещь: она необычного статуса, *эта вещь есть смысл*, и его, конечно, надо понимать в контексте той идеи целостности, о которой я чуть позже тоже скажу. Это особого рода вещь, и я бы сказала, что она обладает бытием, но презумптивным, бытие это, совершенно очевидно, метафизическое, и модальность этого бытия есть модальность долженствования. Смысл в этом контексте я вижу как то, что не существует, но должно быть, как то, что делает мир моим и понятным мне, как то, что позволяет мне отвечать на практические вопросы. То есть если нет смысла – нет мира. Если смысл ищут, то он, очевидно, есть, и когда его перестают искать, тогда происходит суицид. Но логика смысла в интерпретации Смирнова говорит мне о том, что задавать смысл можно совершенно разным способом, то есть смысл, заданный другим, – другой. И я обращаю здесь внимание на то, что другой, если мы будем говорить о нем как о носителе другой логики смысла, здесь понимается совершенно не по модели *Alter Ego* или «другое Я», не по привычной для нас модели, когда другой находится в моем мире. Это совершенно и по-настоящему другой, в его мире другие значения. Другими словами, в одном и том же мире, но в разных культурах, сознание проделывает разную работу. А в понимании проблемы сознания европейская философия уже, на мой взгляд, готова уйти от эссенциализма. Она ушла от него давно и именно благодаря Канту, который ввел актуальное, действующее, *cogito* – оно всегда и только за работой. И если говорить об ассоциациях на эту тему из XX в., о готовности говорить о сознании иначе, то, конечно, на ум

приходит Витгенштейн – в его мире что-то происходит, а не существует, и Делёз, который особенное значение придавал именно глаголам (вполне возможно, что у кого-то будут другие ассоциации).

Второй тезис состоит в том, что логика смысла в интерпретации Смирнова *начинает с самого начала*, это ее отличительная особенность, то есть она начинается не от какой-то философии, а именно от вещей, к которым нас в свое время призывал вернуться Гуссерль. Современная философская культура, я убеждена, пронизана прагматизмом и релятивизмом, и вот эти глубинные метафизические начала кажутся в ней совершенно избыточными и порой даже рискованными, потому что в этой области приходится обнаруживать основания, то есть свои принципы, которые, как мы знаем, нельзя защитить ни аргументацией, ни доводами. Поэтому логика смысла в интерпретации Смирнова – довольно смелое, я бы сказала, мужественное предприятие, начинающееся с *идеи целостности* как с *начала* и стремящееся в результате сделать так, чтобы эта идея была еще более ясной и понятной, чем тогда, когда мы ее выдвигаем из этих самых первоначал. На мой взгляд, это совершенно русская философия. С европейской философией у нас одни и те же корни – Античность – и, в общем-то, один и тот же фундамент – Новое время. Но в силу определенных обстоятельств (о них отдельно можно говорить довольно долго), русская философия оказалась способной видеть европейскую философию как бы со стороны. Здесь есть минус, потому что многие из нас и в наши дни могут сказать, что они плохо знают русскую философию, не являются в ней специалистами – и не без оснований. А кто-то, тоже, как предполагается, не без оснований, будет говорить о том, что русская философия не дотягивает до собственно философии: ей не хватает аргументированности, аналитичности, обоснованности и еще чего-нибудь. Мне кажется, логика смысла может лишить нас как раз вот этих оснований. Мы, находясь в ней, осознавая и осуществляя свое мышление средствами русского языка, просто не сможем не знать, что такое русская философия! И тогда сможем понять, на мой взгляд, что анализ для русской философии нужен только как средство, всегда только как средство, никогда не самоцель. Что является целью анализа? Ответ на этот вопрос – дело весьма затруднительное. Но сейчас в европейской философии можно констатировать лидерство именно аналитической и, по большей части, англоязычной философии. Авторитет ее растет в связи с тем, что она развивается в параллель с исследованиями в IT-сфере и в когнитивных исследованиях. Поэтому, полагаю, у глубинной для европейской философской культуры проблемы сознания есть опасность превратиться в совокупность позитивных задач, подчиненных программе создания сильного ИИ, который, предположительно, будет обладать центром – его мы тогда и назовем «сознанием». А если мы останемся в контексте логики смысла, то останемся в области именно *актуальной* философии сознания, истоки которой в сознании как *проблеме* – эта философия чувствует основания неразрешимости этой проблемы и позволяет, развивая «не-искусственный интеллект», если хотите, расширять человеческое сознание.

И, наконец, третий тезис – *философия сознания как исследование разных способов смыслоположения – проект этический*. Проблема сознания неизвестна Античности, она появляется в Новое время вместе с Декартовым *cogito* и становится фундаментальной и самой плодотворной для философии. Но важно учесть, что и основанный на этом фундаменте пресловутый психофизический параллелизм, и сама параллель между мышлением и бытием в этой парадигме были гарантированы именно осознанием бытия Бога, наличием некой точки, из которой «выходили» эти параллели и которая вместе с тем гарантировала их непересекаемость. Вот это осознаваемое бытие Бога в наше время отсутствует, на мой взгляд, источник гарантии строгой параллельности рядов психического и физического, идеального и материального, сущего и должного исчез, а вместе с ним и возможность телеологии: вопросы «зачем?», которые и мы, и представители когнитивистики задают разработчикам сильного ИИ, они не слышат, для них они бессмысленны. Разумеется, эти разработки очень интересны, увлекательны, но зачем и с какой целью осуществляются, нам не отвечают. Так вот, если мы

встраиваемся в проект философии сознания в контексте логики смысла, то цель нам тогда хорошо видна. Эта цель – идеал Всечеловечества, о котором пишет Андрей Вадимович, и этот идеал, разумеется, утопичен, но это утопия «благого» рода, утопия этическая и, на мой взгляд, замечательная. Я призываю к ней подключиться.

Лекторский: У меня вопросов очень много, я не буду их задавать, но у кого-то, может, есть возможность один вопрос задать.

Лекторский: Борис Исаевич, пожалуйста.

Пружинин: У меня вопрос конкретный вполне. Когда я имею дело с человеком из другой культуры, мне это более или менее очевидно. А есть ли граница, когда я просто имею дело с человеком? Где та грань, которая отделяет меня от другого и что позволяет мне вообще общаться с другими людьми?

Рыскельдиева: Это общий язык, и не только как лингвистическое явление, но и как язык культуры. Это, в общем, хорошо у Андрея Вадимовича прописано. Когда ты чувствуешь, что говоришь на одном языке, но придаешь принципиально другой смысл (то есть не знаки означают что-то другое, а общий, не хочется говорить: контекст, а именно общий смысл всего происходящего совершенно иной). Дело в том, что слово «смысл» уникально, точного перевода русского «смысл» на европейские языки не существует, и я глубоко убеждена в том, что если мы имеем в виду то, о чем говорим сейчас, то для сохранения этой уникальности «смысл» нужно писать латинскими буквами – *Smysl*.

Лекторский: Пожалуйста, Владимир Александрович.

Конев: Я хотел бы продолжить выступление коллеги Рыскельдиевой, которая показала, как вписывается и чем отличается философия, которую строит Андрей Вадимович, от европейской философии, как она входит в эту панораму. Как мне показалось, главная мысль коллеги была в том, что хотя европейская философия и готова принять «логику смысла» А.В. Смирнова, но она выпадает из той традиции, которая складывается в европейской философии в XX в. Я хотел бы возразить этой точке зрения.

Мне кажется, что философия, которую разрабатывает Андрей Вадимович, логично входит в развитие европейской философии XX в. Он начинает свою концепцию с выделения различных логик формирования смысла – субстанциальной логики (С-логики) и процессуальной логики (П-логики), а затем эта идея логики смысла выводит мысль на более широкое поле – на философию сознания, как сознание может быть понято в этой логике смысла. И тогда появилось особое понятие, которое мне кажется очень значимым для философии. Андрей Вадимович рассматривает сознание как деятельность смыслополагания, а потом говорит: сознание – это способность к целостности. Обратите внимание, коллеги, Смирнов выделяет особую способность, которая становится предметом философской критики. В европейской философии была выделена способность познания, и появилась критика способности познания (Кант), была выделена способность быть в экзистенциальном варианте Хайдеггера, и критика этой способности быть становится аналитикой *Dasein* (Присутствия – в переводе В.В. Библихина). Теперь появляется способность к целостности (всесвязности, свернутости), способность к «допредикативной различности» (А.В. Смирнов), и появляется новый шаг в развитии идеи критического анализа понимания человеком мира, в котором он находится. Мне кажется, это главное достижение той философии, которую разрабатывает Андрей Вадимович. И то, к чему он приходит сейчас, что сейчас становится предметом его анализа, вытекает из развития европейской философии XX в.

Я бы отметил несколько пунктов в развитии европейской философии XX в., которые прямо двигались в направлении того понимания сознания и способа его работы, о котором говорит Андрей Вадимович.

Во-первых, это хайдеггеровское понимание мышления. Помните, когда он вдруг заявил, что наука не мыслит, она вычисляет, а подлинное мышление – это совсем другое. Это мышление, которое отвечает «на призыв мысли». «Это зовущее мыслить, –

говорит Хайдеггер, – *есть уже в самом себе данное для мысли*». На мой взгляд, это *зовущее мыслить* – разработка той проблематики, которая связана с идеей коллективного когнитивного бессознательного, о котором говорит Андрей Вадимович, о некоем априорном начале мышления, укорененном в культуре. А в своем втором капитальном труде «К философии (О событии)» Хайдеггер обсуждает проблему «другого начала мышления», инициируя поиск иной логики развития мысли.

Во-вторых, это концепция *участного* мышления М.М. Бахтина. Сама идея *участного* мышления прямо, на мой взгляд, связана с таким пониманием логики мышления, о которой Смирнов говорит как о процессуальной логике. Позволю себе зачитать цитату: «*Действительное поступающее мышление есть эмоционально-волевое мышление, интонирующее мышление, и эта интонация существенно проникает во все содержательные моменты мысли*». И дальше он говорит о том, что действительное сознание, чтобы быть единым, должно отразить в себе *систематическое единство культуры*. Здесь слышится мотив той идеи целостности, которая появляется у Смирнова в его последних работах. Тут можно было бы развернуть более подробно проблему поступка, который сродни мысли и благодаря которому открывается бытие-событие, а знание превращается в «*узнание*» и т.д., но коллеги это знают. Я просто хочу показать, что идея, которая разрабатывается Бахтиным как «*философия поступка*», формирует понимание мышления, понимание сознания не в традиции классической философии, а в той традиции, в которой начинает работать Андрей Вадимович.

В-третьих, это философия сознания и концепция метафизики апостериори, которую разрабатывает М.К. Мамардашвили. Вспомните, он говорит о том, что мышление всегда индивидуально. Это, в определенном смысле, продолжение идей Хайдеггера, Бахтина. И это индивидуальное мышление есть событие мысли. А событие мысли свершается в определенных условиях. Очень подробно во многих своих работах Мамардашвили это рассматривает. Рождение мысли, событие мысли сопровождается усилением образов, амплификацией, извлечением опыта из прецедентов, и на их основе делаются выводы. Мне представляется, что в таком понимании «*извлечения опыта*» можно увидеть обоснование необходимости той первой посылки в П-силлогизме, о котором говорил Андрей Вадимович, когда шло первое обсуждение его концепции в журнале «*Вопросы философии*». Значима для понимания истоков процессуальной логики также идея метафизики апостериори, которая говорит о порядке законов, возникающих на втором шаге: решил – «*Да будет!*», и устанавливается новый порядок, который уже не отменишь. Такая же концепция мира – *Да будет, и стало!* – разрабатывается в процессуальной картине мира, о которой говорит Смирнов.

И, наконец, конечно, это логика смысла Делёза, которая прямо противопоставляется логике знания, науке логики, или логике науки. Здесь можно было бы много отмечать параллелей, я не буду об этом говорить, но об одном моменте скажу. Смирнов, как и Делёз, стремится идти в философии от некоего иного начала, которое является неопределенной ясностью. Идея неопределенной ясности обладает способностью открывать себя и давать принципы любых определений. У Смирнова эта идея неопределенной ясности связана с идеей свернутости-развернутости. В последних работах эта идея связана с целостностью, или исходной интуицией культуры. А у Делеза это идея различия. Между идеей различия и идеей целостности, которую разрабатывает Андрей Вадимович, мне кажется, существует параллель. Смирнов замечает: «*Целостность или связанность принципиально рефлексивны*». А Делёз, говоря о различии, утверждает: «*Различию присуще собственное критическое испытание*», то есть, на мой взгляд, то же самое рефлексивное отношение к себе. Целостность существует всегда как «*то же иначе*», и различие – это «*то же иначе*». Смирнов обращает внимание на осмысление конкретного, которое может осмысляться по-разному, мыслиться в разных логиках. Это же в свое время выразил и Делёз, создавая свою логику смысла. И если М. Фуко был прав, когда говорил о том, что когда-нибудь XX в. назовут веком Делёза, то продолжение в XXI в. этих идей в концепции Андрея Вадимовича

Смирнова – это продолжение развития той линии, которая развертывалась в европейской и русской философии – формирование нового понимания сознания и логики его работы.

Профессор Рыскельдиева говорила о том, что лидерство в европейской философии захватывает аналитическая философия. Я бы сказал, что это лидерство не философское. Это лидерство страны или определенных стран. Это лидерство определенного отношения, которое сложилось в этих странах к философии континентальной. Я не хочу сказать, что это плохо или что этим нельзя заниматься. Нет! Это направление прекрасно работает, но именно в том направлении, о котором коллега говорила: формирование искусственного интеллекта, в конечном счете. Однако, коллеги, обратите внимание на то, что даже в недрах традиции аналитической философии появляется направление, которое обращается к тем формам проявления сознания, которые не связаны с языком непосредственно. Так называемая концепция «4Е-познание» в английской философии делает акцент на воплощенном, встроеном, расширенном и активном познании, то есть культурных формах реализации сознания, которые отнюдь не связаны с той логикой, которая была разработана когда-то в начале XX в. Расселом и Витгенштейном.

Поэтому мне думается, что выделение такой способности, как способность к целостности, в качестве предмета философской критики открывает очень широкие перспективы для развития философии и в понимании сознания, и в понимании культуры, и, что особенно важно, как мне кажется, в понимании той исторической ситуации, в которой оказалось современное человечество. Эта историческая ситуация связана с глобализацией, но глобализация в традиционном понимании говорит о том, что распространяется единая культура. И тогда возникает конфликт глобализации и локализации. А глобализацию в той традиции, которую развивает сейчас Андрей Вадимович, можно понимать по-другому: глобализация открывает возможность существования и признания «то же иначе». Поэтому глобализация должна быть не унификацией, а открытием понимания смысла «то же иначе». Это, на мой взгляд, значимая не только философская, но и культурная и, если угодно, политическая идея. Спасибо, коллеги.

Лекторский: Спасибо, Владимир Александрович. Дорогие друзья, есть желание что-то спросить или сказать? Игорь Феликсович, пожалуйста.

Михайлов: В докладах коллеги Рыскельдиевой и коллеги Конева и в других выступлениях, мне кажется, прозвучали какие-то немножко странноватые суждения об аналитической философии. Во-первых, это представление о том, что аналитическая философия занимается искусственным интеллектом, а континентальная естественным, сразу же как бы заставляют мои глаза расширяться, потому что 90% того, что написано в аналитической философии сознания относится к естественному интеллекту. Об искусственном интеллекте там не так много писали, насчет континентальной не скажу. Теперь, что касается лидерства одной страны. Помните, было какое-то мероприятие, где выступал К.В. Анохин, и там присутствовал один наш коллега, который сказал, что, дескать, у Анохина все ссылки на английском языке, а это язык логического позитивизма, который является самой плоской и самой плохой формой философии. Мне хотелось сказать (но я не стал этого делать), что, вообще говоря, все классические произведения логического позитивизма, который считается первой исторической формой аналитической философии, были написаны по-немецки. Это и Карнап, и Тарский, и Шлик, и Райхенбах. Что касается лидерства одной страны, я тоже не очень это понимаю. Конечно, имеются в виду США. Но дело в том, что аналитическая философия распространена не только в англоязычных странах...

Лекторский: Она была всегда в Польше. Это, например, известная Львовско-варшавская школа, которая была очень активна в период между двумя мировыми войнами.

Михайлов: Есть два автора, Гладзиевский и Милковский, которые пишут о философии когнитивных наук на мировом уровне, то есть публикуются в самых рейтинговых журналах, их приглашают на самые рейтинговые мероприятия. Спасибо.

Лекторский: Спасибо.

Конев: Можно я отвечу коллеге? Я бы не хотел, чтобы меня поняли таким образом, что я противник аналитической философии. Я просто хотел указать на один очень важный момент, что в традиции аналитической философии не может появиться идея, которая разрабатывается Андреем Вадимовичем Смирновым. Или, во всяком случае, она там зарождается под влиянием уже другой философской традиции. Вот об этом я хотел сказать. А то, что это крупная философия, и то, что она развивается в разных странах, это очевидный факт.

Лекторский: Дорогие друзья, спасибо. Я только два слова скажу, потому что потом я забуду. Вот тут о целостности шла речь, Владимир Александрович, да и профессор Рыскельдиева об этом говорили. Я в этой связи хочу вспомнить одну вещь: есть такой человек, живущий и работающий в США, профессор Марина Быкова. Она подготовила вместе с коллегами из США большой том в восемьсот страниц «Энциклопедия русской мысли». Это анализ истории русской философии в связи с литературой, культурой, наукой. Я и Борис Исаевич в числе авторов этого тома. Эта книга месяц тому назад обсуждалась специалистами из разных стран. И один специалист по истории русской философии сказал, что в каждой национальной культуре есть свои философские традиции. В Англии и США это эмпиризм. У немцев рационализм и априоризм. А в русской философии одна из центральных идей, с его точки зрения, это идея целостности. Это первое. А второе, что он сказал: это очень опасная идея. И вот поэтому нужно изучать русскую философию, которая, как он считает, демонстрирует опасный ход мысли: будешь акцентировать идею целостности, придешь к оправданию тоталитаризма. Вот так рассуждал этот философ. Я вступил с ним в спор и сказал, что поиск целостности – это неотъемлемая характеристика любой философии. Что касается аналитической философии, то она сегодня очень сильно изменилась. В ней сегодня возможны такие метафизические построения (вроде идеи реальности возможных миров, извечного существования прото-сознания), которые и не снились старой метафизике. А ведь именно борьбу с ней можно считать началом аналитической философии.

Парибок: Добрый день, коллеги! У меня несколько разнородные соображения, но я их все-таки как-то представлю. Во-первых, слово «смысл» в концепции, которую развивает Андрей Вадимович, является ключевым и совершенно философским, потому что давно бытующий среди философов тезис о том, что философия занимается бытием или соотношением бытия и мышления, я считаю во многом устаревшим и, кроме того, регионально-специфичным и применимым лишь к изобретенной греками философии Большой Западной цивилизации. А всеобщее определение, да и самоопределение философии, на мой взгляд, будет таким: это интеллектуальная деятельность, которая занимается смыслами, то есть полаганием, упразднением, соединением, разъединением, выявлением и т.п. операциями со смыслами. И при таком понимании оказывается, что предложенная Андреем Вадимовичем концепция и есть просто и в собственном смысле философия. А тем самым, когда происходит очередное углубление предмета определенной традиции интеллектуальной деятельности и коммуникации, которая так – словом «философия» – была названа греками, то предыдущая ее стадия становится некоторым частным случаем. Если брать традиции европейской философии, то я могу сказать, что, по-моему, Андрей Вадимович предложил подход весьма развернутый, хотя покамест частичный, потому что обнаруживаются и другие смыслы (это Андрей Вадимович признает и сам) помимо арабского и европейского. Собственно, им предложен и подробно обоснован ответ на вопрос, который был поставлен Гегелем, хотя Гегель этот вопрос только обозначил, но не смог на него ответить. У Гегеля проблема ставилась так: нужно понять всеобщее как особенное. И вот мы вместе с Андреем Вадимовичем начинаем понимать бывшее западное философское всеобщее как особенное, ибо наблюдаемые в разных больших культурах, так называемые различающиеся интуиции и варианты понимания субъект-предикатного членения указывают как раз в эту сторону. Из этого прямо следует, если мы еще учтем, что особенное

не есть единичное, если вспомним всю эту гегелевскую триаду, что здесь непременно должна бы появиться некоторая типология. Имею в виду, что этих «логик смысла», – употреблю немного метафорически этот термин, более строгий в устах Андрея Вадимовича, не может быть неопределенно много. Их непременно будет очень ограниченное количество. Исходя из того, что я смог охватить в своих исследованиях, получается, что в крупных цивилизациях было исторически предложено четыре разные логики смысла. Помимо тех двух, которые уже всем нам известны, есть еще южно-азиатская и есть дальневосточная логики смысла, вполне самобытные. В связи с описываемыми у Андрея Вадимовича структурами, в которых проявляется логика смысла, им многократно упоминается теория предикации. И здесь хочу просто обратить внимание собравшихся на исторический факт, который вряд ли им известен, но за него нужно браться и разрабатывать философски. А именно, если понятие субъекта и предиката есть (притом несколько разные) и в ближневосточной, прежде всего арабской, традиции, и в европейской, то в ничуть не менее интеллектуальных и культурно-развитых южно-азиатской и дальневосточной, то есть Индии и Китае и в цивилизациях, разросшихся вокруг этих двух стран, этих понятий просто нет. Это поразительно, поскольку лингвистику индийцы разрабатывали уже в древности и превосходят в этой области греков, но при этом они не нуждались в паре понятий субъект и предикат. Я стал об этом думать; приведу наглядный пример. Однажды я заметил рекламу расширения покрытия каким-то провайдером: «территория под контролем». Мы это понимаем, здесь есть полнота смысла. И здесь совершенно неважно, будем ли мы это трактовать как высказывание с предикатом «территория находится под контролем», то есть с субъектно-предикатным членением, или как выражение «подконтрольная территория». Стало быть, смыслы находятся на уровне более глубоком, нежели уровень деления на субъект и предикат. Только два варианта логик смысла, на которые опирался Андрей Вадимович, а именно открытые им во взаимном противопоставлении арабский процессуальный и европейский, возможно, индоевропейский, субстанциальный, характеризуются субъектно-предикатным членением в смысле наложения логического, грамматического и, естественно, онтологического, что так выпукло проявляется в тройном использовании слова «субъект» по-европейски: есть субъект грамматический (речи), субъект логический (мысли) и наконец субъект онтологический. Из-за данной склейки уровней речи мысли и бытия мы в Европе обнаруживаем парадоксальную семантическую ситуацию: понятие субъекта совершенно гетерологично, ибо оно есть некоторый объект. А в Индии, например, это было разобрано уже две с половиной тысячи лет тому назад прекрасно в комментариях к Упанишадам или в некоторых диалогах Будды. Индийцы это поняли сразу, ибо у них была другая конструкция смысла. Так вот, более фундаментальное различие, где мы и можем строить типологию, таково: в любом случае вынесения мыслящим суждения во внутренней речи есть мой субъективный, лучше даже сказать «мой субъектный» как онтологического субъекта акт выбора, благодаря чему я из всего многообразия, что я мог бы заметить, беру что-то и мысленно или устно говорю «это». А все остальное, добавляемое к «этому», будет предикатом. Это разделение на внутренний и внешний мир, и к внутреннему миру принадлежит акт выбора. И так мы соединяем логику с некоторыми онтологическими представлениями о сознании. Индийцы вынуждены были пойти по такому пути в силу различия порядка слов в глагольных и именных предложениях и сделали это давно. Различие в порядке слов в предложениях разного типа имеет место и в арабском языке, но арабы, к сожалению, не успели развить свой вариант и переняли греческий, основанный на единообразном порядке. По-гречески всегда первым идет подлежащее, а потом сказуемое, будь то глагольное предложение или именное. А по-арабски первым идет глагол, а потом сказуемое («брешет собака», но «собака брехлива»). А на санскрите наоборот: «брехлива собака», но «собака лает». И поскольку и то, и другое, можно сказать, равно естественно, когда наблюдаешь поведение собаки, то ни арабы, если бы они развивали свою мысль самостоятельно, ни индийцы, которые развивали свою мысль самостоятельно, не могли прийти к странному убеждению,

что один тип высказывания правильный, а другой почему-то нарочно перевертывается говорящим при переходе от внутренней речи к внешней. Поэтому индийцы пришли к тому, что сперва есть акт выбора, а потом он формализуется как угодно. Наше европейское разделение на субъект и предикат свойственно не только суждению, но и определению, дефиниции. Если в суждении аранжировка принадлежности к внутреннему и внешнему миру осуществляется одним способом, а именно субъект признается сущим во внешнем мире, а предикат принадлежит мышлению, то в определении ровно наоборот! Давая дефиницию, осуществляющий это действие вводит нечто из своей мысли, но опирается на то, что считает найденным во внешнем мире. Я говорю, выношу суждение: «этот дом хорошо построен», и этот дом я обнаруживаю в мире. То что он хорошо построен, я нахожу в своем уме. В определении же наоборот. Вот что такое субъектно-предикатное членение у нас, начиная с Аристотеля. Поиндийски же и по-китайски этого нет. Я скажу почему. Придется ввести очень важное понятие об оперативной единице, с которой имеет дело мышление. Оперативные единицы у нас и у арабов немножко отличаются, но в общем их можно слегка приблизительно назвать вокабулами или лексемами (они, конечно, по-европейски сразу соотносятся с сущностями). Слово, предметное существительное, есть лексема, и слово же соотносится с сущностью. А в китайской традиции из-за особенностей китайского языка не мыслят посредством понятия сущности, у них нет понятия сущности, ибо у них нет лексем. Они мыслят высказываниями, которые соотносятся с ситуациями. Индийцы в принципе могли бы мыслить как европейцы, но, поскольку они феноменально глубоко разобрали язык, а потом его вновь собрали, воссоздали, получив санскрит, они мыслят гораздо более дробными «элементами», чем даже морфемы. Если европеец скажет «я вижу доску», и доска это, конечно, сущность, а у доски есть свойство, то изошренный индиец скажет «я вижу некоторые данные», и он может войти в такое состояние, что он видит данные, которые потом им синтезируются в условную сущность «доска». Для кого-то доска – это то, на чем пишут, а для другого доска – это то, что, например, можно сломать. Слово «доска» здесь омоним, потому что деятельностные ситуации разные.

Подытоживая, у нас получается четыре типологии, и это исторические факты, которые опровергнуть нельзя. Если мы считаем, что история в таких крупных масштабах мысли и культуры не ошибается, то нужно как-то эти факты перевести в мысль, продумать. У меня это получилось на три четверти, а пока последней четверти нет, я это представлять на суд коллег не стану. Но, думаю, что скоро это все-таки у меня получится. И вот какой вывод для философии получается, исходя из такого рода работ, как у Андрея Вадимовича. Когда читаешь интеллектуальные инокультурные тексты, в моем случае это индийские тексты по философии, и знаешь, что индийские пандиты, то есть философы-ученые, прочитали, положим, в пятьдесят раз больше текстов и гораздо быстрее, чем смог прочитать я. И я не могу свести это к тому, что я хуже знаю санскрит, чем они. Хуже, но не настолько хуже, ну не в пятьдесят раз точно. (То же самое можно отнести и к арабским текстам.) Однако я могу, пусть с трудом, войти в режим чтения изнутри индийской мысли, и тогда смогу их читать быстро, с хорошим пониманием. Но настоящее философское мышление возникает у меня тогда, когда я актуализирую необходимость сделать мое санскритское понимание так же и русским пониманием или немецким. То есть настоящее философское мышление оказывается на стыках разных конструкций смыслов. Именно тут-то и должны порождаться философские смыслы, как они порождались на стыках владения разными предметно-региональными профессиями: медицины и юриспруденции (или теологии) и пр. Если человек разбирается и в том, и в другом, и у него есть индивидуальная умственная способность, то его «тянет» в философию, в общие понятия. Но это в наши дни то ли исчерпано, то ли это уже пущено на поток, а вот то, что я говорю, представляет собой существенно, радикально новое. И трудности здесь, я бы сказал, такие: трудно заметить, в том числе психологически, чужую большую развитость сравнительно со своей. Очень просто заметить те стороны, в которых чужая рациональность отстала.

И мы это охотно делаем и начинаем гордиться. А если, наоборот, заметить то, что Будда решил проблемы две тысячи пятьсот лет тому назад или поставил проблемы, которые в Европе были поставлены лишь после Декарта? Простой пример. В одной сутре Будда говорит, что все метафизики занимаются решением вопроса о начале и конце себя и мира. Себя, то есть сознания. Это понятие о субъекте онтологического уровня, это то, чего не было вообще во всей античной философии. Если ты думаешь, что нус всему начало, или ты думаешь, что вода всему начало, – все равно это объекты. А о субъекте как о себе грек не может думать в принципе. Декарт начал. Будда же две с половиной тысячи лет назад об этом думал, ибо такова была индийская конструкция смысла. Другого рода конструкции там были у китайцев и т.д.

Когда мы натолкнулись на этот фундаментальный слой смыслов и начали разрабатывать, мы стали заниматься не чем иным, как превращением в новый тип объектности того, что ранее было трансцендентальным, потому что прежде формирование смысла было для мыслителя заведомо трансцендентальным. Значит, мы в своем мышлении о смыслах расщепляем слой трансцендентального, обнаруживая более глубокий слой, который остается трансцендентальным, потому что из него исходит и культурный араб, и культурный индеец, и культурный китаец, и культурный европеец. И есть не столь глубокий слой, который уже не является трансцендентальным, потому что если владеть, помимо европейского, еще арабским смыслом или индийским, то видишь, как это конструируется, конституируется. Это тоже абсолютно философская задача.

На мой взгляд, когда мы начнем успешно заниматься смыслами, то философия сможет не только вернуть себе утраченное, в общем, место управления разными предметными областями, но и включить в себя управление такими обширными областями деятельности, на которые, как я полагаю, европейская философия просто никогда не отваживалась, потому что философы наперед знали, что у них здесь ничего не выйдет. Пример. Европейские философы никогда не пытались указывать полководцам, что нужно делать. Хотя полководческое мышление – это очень обширная область, но оно деятельностное. Не может философия европейская с этим справиться, на мой взгляд. А китайская прекрасно справлялась. Или другой пример. Инженерное дело или технология. Можно обсуждать технологию, по Ясперсу, по Хайдеггеру, но управлять технологией и инженерным делом – это совершенно другие функции интеллекта. Можно поставить и решать такую задачу, когда будем разворачивать разнообразные логики смысла. Вот то, чем я хотел поделиться.

Рыскельдиева: Буквально один характерный пример, в поддержку мысли Андрея Всеволодовича, если можно. Борис Исаевич спрашивал, когда мы можем точно сказать, что перед нами другой Другой. Вот мы в «Абхидхармакоше» Васубандху, например, читаем, что сознание *присваивает* себе органы, объекты чувств – все, кроме звука. Абсолютный бред по нашему обычному рассуждению, по нашему здравому смыслу. Как вот тут быть? Вот как-то надо это понимать. Как это так: «сознание присваивает органы чувств. Все, кроме звука»?

Лекторский: Объясните, как вы это понимаете?

Рыскельдиева: Объяснение есть, потому что, во-первых, там, если говорить на нашем языке, сознание первично, то есть если есть реальность, то только сознания. Существует только сознание. А звук оно не может захватить, потому что звук вечен, мы здесь находимся в совершенно другой культуре. Другой мир, по-другому устроенный. Я это хочу сказать.

Парибок: Мир-то другой, но тут-то можно легко сказать: когда мы что-то видим, нюхаем, вкушаем это мыслится ими, как некоторые вещи, а они понимают, что звук – событие. А событие невозможно присвоить. Вот и все.

Рыскельдиева: Звук – это как бы культурное явление, по-нашему.

Павлов-Пинус: Добрый день, коллеги! Я продолжу развивать сюжеты, которые уже были озвучены, и, в общем-то, буду идти строго по темам, предложенным к обсуждению. Во-первых, хотелось бы продолжить тему неуниверсальности европейской

культуры в перспективе следующего вопроса: была ли готова европейская философия к осмыслению темы собственной неуниверсальности? И мой ответ, совпадающий с мнением некоторых предыдущих докладчиков, – да, конечно. В этом смысле, работу, проделываемую Андреем Вадимовичем, можно понять как продолжение начинаний, которые наметились в европейской философии (в особенности в российской). Я бы хотел обратить внимание на близость его ходов мысли к рассуждениям Владимира Соломоновича Библера, для которого фигура Николая Кузанского (как и в последней книге Андрея Вадимовича) оказывается одной из ключевых в понимании различий между разными логиками смысла. Во-вторых, вопрос о том, какие философские научно-логические достижения обосновывают ход, предложенный Андреем Вадимовичем, тоже мне кажется важным. И в-третьих, хотелось бы обратиться к картезианскому *cogito ergo sum*, которое Андрей Вадимович совершенно справедливо толкует как *формулу смыслополагания, а вовсе никакой не силлогизм*, причем как такую формулу смыслополагания, которая внутри себя содержит множественность культуро-формирующих альтернатив. Здесь на помощь приходит восходящая к Кузанскому идея «разворачивания», позволяющая понять логику разворачивания различных культурных и/или смысловых миров. И вот цитата из книги Андрея Вадимовича: «Оглядываясь на *cogito*, можно найти новые пути выполнения картезианской программы *cogito*, т.е. сделать то же – иначе». На самом деле, *cogito* – это, конечно, не единственная точка вхождения в одну культуру мысли, в один логико-смысловой мир, откуда затем можно было бы выйти и оказаться совсем в другом логическом мире. Тем не менее осуществление сворачивания/разворачивания через идею *cogito*, мне кажется, действительно является весьма удачным ходом. Мой следующий тезис – о смысле логики, о логике смысла. Я не буду комментировать известное определение силлогизма по Аристотелю, потому что в нем слишком много разного рода тонкостей, которые сейчас нет возможности обсуждать. Отметим только, что из этого определения, откуда выросла, в общем-то, вся современная логика, на самом деле, не следует ни формальность логики, ни тем более ее формалистичность в ее современном формально-логическом понимании, и это хорошо понимают сами же современные логики. На сегодняшний день стали ясны две очень важные вещи. Во-первых, Андрей Вадимович правильно настаивает, что *форма всегда содержательна*, в частности любая логическая форма. Не бывает полностью бессодержательной формы – это оксюморон. Любая форма, даже если это чисто синтаксическая, логическая форма современной формальной логики, несет в себе определенный минимум содержательности, которая отражается на том, как эта форма функционирует в соответствующих теоретических контекстах. Здесь принципиально важно не путать *содержательность* и *интерпретированность* любого формализма, о чем иногда забывают комментаторы логики. Быть «бессодержательным» и быть «неинтерпретированным» – это совершенно разные вещи. Когда произносят закливание о независимости логических форм от содержания, на самом-то деле имеется всего лишь в виду неинтерпретированность формально-логических структур, а вовсе не полное отсутствие содержания, *несомого самими формами*. Если всерьез вдуматься в это обстоятельство и учитывать некоторые результаты современной формальной логики, то важным теоретическим следствием будет то, что вообще не существует никаких абсолютно универсальных логических законов. Для любой формулы логической, любого логического принципа всегда можно найти контрпример, то есть указать модель, ситуацию, контекст, где эта формула не выполняется. Это говорит о том, что расщепление, так сказать, на форму и содержание является теоретически вторичным и всегда оказывается некоторым изводом определенной смысловой целостности. А темы логико-смысловой целостности и связности как раз находятся в центре внимания у Андрея Вадимовича. Стало быть, философский анализ того, что же такое логика, каков смысл логичности логики и откуда вообще растет легитимность словосочетания «логика смысла», коренится именно здесь. Мы должны «до последней глубины» взглянуть в ту связанность, целостность, откуда растут уже все прочие вторичные конструкции. Проблематизация целостности самой по себе – одна из центральных философских

задач, которую ставит перед собой Андрей Вадимович. Целостность сама по себе в его последней книге воплощена в нескольких образах. Во-первых, это «точка» Кузанского. Точка у Кузанского, как мы помним, конечно же, это никакая не геометрическая точка; в его «точку» чуть ли не весь Господь Бог со всем его всемогуществом и всезнанием у Кузанского вмещается. В силу этой «всемогущести», «всевозможности», точка Кузанского – это определенная форма связанности, целостности, которая может разворачиваться в бесконечное число разнообразных миров. В частности, как это детально показывает потом В.С. Библер, опираясь на идеи Кузанского, она развернулась нововременным миром, а могла бы развернуться и совершенно иначе. Поэтому точка – это очень важный образ целостности самой по себе. Во-вторых, это картезианское *cogito*, но без *ergo sum*, потому что *ergo sum* следует понимать как определенное содержание, внесенное в *cogito*. *Cogito* вместе с *предположенным* в нем *ergo sum* есть некоторая формула смыслополагания, шаг за шагом позволяющая развернуть все многообразие нововременного мира. Картезианский цикл «радикальное сомнение-конструирование-сомнение-конструирование-...» (и т.д.) постепенно восполняет свое содержание, раскрываясь в идее трансцендентального субъекта, в идее «социальной физики», в идее абсолютного духа у Гегеля. В третьих, это допредикативное сознание, как оно формулируется и понимается у Гуссерля. От себя к этому списку я бы добавил еще два образа целостности: идею ноуменальной свободы (у Канта), составляющей сердцевину человеческого существа, и сферу первоначал (как ее понимал В.С. Библер), которая играет решающую роль при превращении (трандукции) одних логико-смысловых миров в другие. Вот, на всякий случай процитирую: «В трудах Галилея одновременно с астрономическим превращением, – с переходом от мира Птолемея – Аристотеля к миру Коперника – осуществляется *превращение логики*. В таком превращении одно понимание того, что есть всеобщее, одно разумение того, что есть разум, переходит в иное понимание всеобщего, в иное подразумевание» (Библер В.С. Кант – Галилей – Кант. Разум нового времени в парадоксах самообоснования. М.: Мысль, 1991. С. 232). Предыдущий докладчик как раз совершенно точно упомянул гегелевскую идею *особенного* всеобщего, которое у Гегеля не получила полномасштабного развития, а вот у Библиера, наоборот, легла в основу его концепции диалогичности, концепции логики порождения (разных) логик. Я не буду рассказывать, как работает логика трандукции. Только коротко скажу. По-моему, Библер очень изящно реконструирует, каким образом круглый, конечный мир Аристотеля, мир аристотелевской физики с его естественным круговым движением, естественными местами и т.д., в рассуждениях Галилея «сворачивается» и методом логики предельного перехода «разворачивается» в идею бесконечного мира, с его прямолинейным равномерным движением, с инерциальными системами отчета, то есть превращается в теоретический мир Коперника и Бруно. Устремляя радиус круговых траекторий движения к бесконечности и протаскивая через угольное ушко «точки бесконечности» все прочие понятия, которые, так сказать, обслуживали и идею естественного кругового движения, и прочие аристотелевские онтологические понятия, Галилей показывает, как на наших глазах разворачивается совсем другой мир, живущий в другой смысловой логике, в других теоретических координатах. В принципе, в том же самом ключе можно понять и то, как работает Андрей Вадимович, только в его понимании мы проходим не через «точку бесконечности», а через «точку» *cogito*, сворачивая (вынося за скобки) привнесенное в него *ergo sum* и находя там другой вариант разворачивания этого же самого *cogito* – только теперь как *cogito ergo argo*. Продельвается та же самая работа, и мы, редуцировав все привычные смыслы, вчитанные в *cogito*, можем увидеть, как из новоевропейского разума выйти к арабо-мусульманской культуре как некоему иному логико-смысловому событию и как это реконструировать в своей инаковости. Заметим, кстати, одну важную вещь. В самом конце введения обсуждаемой книги Андрей Вадимович как раз и говорит, что философский разум современности – это разум, способный перемещаться между различными культурными, логико-смысловыми мирами, это разум, по-разному осмысляющий все возможные воплощения целостности. На самом деле,

еще одну переключку хотелось бы упомянуть. У Анатолия Валерьяновича Ахутина развернута идея, что *cogito ergo sum* – это формула смыслополагания со своей герменевтической структурой, а вовсе не силлогизм или что-то в этом роде. Аналогичную мысль высказывает и А.В. Смирнов в книге «Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению» (М.: ЯСК, 2021). Он полагает, что человеческое сознание способно к любой из логик смыслополагания.

Михайлов: У меня короткий вопрос. Константин Александрович, а что такое сворачивание и разворачивание как логические процедуры?

Павлов-Пинус: Именно как *логические* процедуры?

Михайлов: Я не знаю, являются ли они логическими, или смысло-логическими, или какими-то еще. Можно их как-то описать? Потому что я до сих пор не понимаю, что это такое.

Павлов-Пинус: Феноменологи бы ответили очень просто – это смысловое движение по семантическим отсылкам, которые формирует горизонт смысла данной эпохи, данной культуры в ее наличном срезе. Разворачивание имеет характер рекурсивного движения по смысловым оценкам. То что они именно такие, а не другие, гарантирует легитимность употребления слова «логичность» в отношении концепции смыслового разворачивания.

Михайлов: Я почему спрашиваю? Потому что есть понятие эффективной процедуры. Если я, например, совершил некую процедуру по определенному правилу, я вам сообщаю эти правила, вы их повторите в точности и получите те же самые результаты. Вот относится ли это к «сворачиванию»?

Павлов-Пинус: Не всегда, потому что, например, со времен Витгенштейна хорошо известна «проблема следования правилу», особо остро сформулированная С. Крипке. Об этом Андрей Вадимович ведь тоже говорит. Когда у нас есть готовое правило, то априори нет никаких гарантий, что это можно однозначно развернуть и именно это правило подходит к данному случаю. В нетривиальных ситуациях перед нами встает необходимость породить новое правило, новую процедуру. Между прочим, огромная сложность для проблематики искусственного интеллекта и для всей философской проблематики в том, что на готовых образцах далеко не уедешь, поэтому разворачивание – более сложная процедура.

Михайлов: Иначе говоря, я могу понимать разворачивание и сворачивание одним образом, вы можете понимать другим образом, Андрей Вадимович третьим образом...

Лекторский: Третьим, четвертым, пятым...

Павлов-Пинус: Должны быть процедуры перевода из одного языка в другой.

Смирнов: Позвольте мне несколько слов. Сворачивание-разворачивание, даже если мы не дадим формального определения и не зададим правила, которое машина может исполнить, без сомнения, работает, и работает надежно, потому что иначе бы культуры не были устойчивыми. Ведь каждая культура умеет себя воспроизводить в следующем поколении своих носителей. Трансляция культуры происходит, а что такое трансляция? Это же не вкладывание в головы людей конкретных готовых алгоритмов всех действий, это не программные коды. Это вкладывание именно свернутого, во-первых, и способности к его разворачиванию, во-вторых. Как говорится, ты не давай мне денег, ты научи меня рыбу ловить или их зарабатывать. Вот «научи меня их зарабатывать» и значит – «вложи в меня способность разворачивать определенный тип действий», но не «вложи сами действия». Или что такое «научить решать математические задачи»? Можно научить мыслить математически, а можно натаскать на решение конкретных задачек. Есть разница? Разве можно формализовать в виде «эффективной процедуры» способность к математическому мышлению? Формализовать можно ЕГЭ. Но это значит убить мышление. А развить мышление – это значит активизировать способность решать любые задачи. То есть научить мыслить, разворачивать свернутое. Да, это гораздо сложнее, почему и Лора Турарбековна, и Владимир Александрович отмечали, что мы говорим не об аналитической философии и не об имитации естественного разума в системах искусственного интеллекта. Мы говорим

именно о том, что такое естественный разум. Вот вы попробуйте это уловить. Вы же не можете сказать, что не бывает способности к математическому мышлению, коль скоро эту способность вы не можете представить в виде эффективной процедуры? Мне кажется, что вы как раз указываете на очень важную проблему и на важный водораздел между искусственными интеллектуальными системами и естественными. И вот здесь-то нам и следует, как мне кажется, работать над вопросом, почему вообще этот водораздел есть.

Михайлов: Мне кажется, что есть еще музыкальные способности, помимо математических, которые в этом смысле имеют ту же самую природу. Как известно, Лейбниц говорил, что, слушая музыку, душа вычисляет, сама того не зная.

Лекторский: Кто говорил?

Михайлов: Лейбниц.

Лекторский: Ну, Лейбниц много чего говорил. Он считал, что все философские проблемы можно путем вычислений решать.

Михайлов: Неважно. Музыка – это все-таки математическая дисциплина, как мы знаем благодаря Пифагору.

Лекторский: Ну, это как сказать.

Михайлов: Я хотел сказать, что, на самом деле, проблема есть, и она, на мой взгляд, не является водоразделом между искусственным и естественным интеллектом, но сейчас у нас нет времени. Если у меня будет время, то что-нибудь по этому поводу прокомментирую. Спасибо.

Лекторский: Да, это проблема творчества. Можно ли учиться творческому мышлению? Это вопрос, который обсуждали, обсуждают и вроде бы пытаются решать даже. А что касается Витгенштейна и следования правилам, есть мнение, что эта интерпретация Крипке исказила мысль Витгенштейна. Но это уже особый вопрос, не будем сейчас это обсуждать.

Конев: Позвольте одну реплику по поводу замечания коллеги Михайлова. Его замечание справедливо в том отношении, что если мы говорим о логике, то у логики должны быть какие-то трафареты, грубо говоря. И совершенно ясно, что та сложная проблема свертывания-развертывания, о которой говорит Андрей Вадимович, не имеет пока представления об этих алгоритмах, о том, как это совершается. Но один момент, мне кажется, здесь нужно учитывать – где прежде всего проявляет себя этот акт свертывания-развертывания. В момент начала любого действия. И если говорить о логике в ее строгом смысле и если можно будет разработать алгоритмы начала, то это уже будет шаг к пониманию того, как совершается свертывание-развертывание. Начало в классической логике представлено общей посылкой, а когда нет общих посылок, есть всегда конкретная ситуация. Что делать в конкретной ситуации, прежде чем ты начнешь что-то совершать? Ответ на этот вопрос будет ответом на то, как разворачивание-сворачивание работает. Спасибо.

Солондаев: Здравствуйте, коллеги! Я психолог, и мы с Андреем Вадимовичем занимаемся прикладным применением процессуальной логики (П-логики). Сейчас я могу встроиться в наше очень интересное, но не психологическое, а философское обсуждение. Как это работает – точка начала действия. На реальном эмпирическом материале.

Два ребенка. Мальчик с соматоформным расстройством желудочно-кишечного тракта. И девочка с нервной анорексией. Мы работали с этими случаями вместе с психологом Ярославской областной детской клинической больницы. Оба случая завершены успешно. Но у медиков осталась глубокая неудовлетворенность. Успешная работа верифицирована показателями здоровья детей. А неудовлетворенность не проходит. Почему? Мы получили ответ, сравнивая осмысление ситуации в разных логиках. Возьмем две точки начала действия. *Первая точка* – маршрутизация ребенка. Принимать ли ребенка на лечение или перенаправить в другую больницу? Совершенно конкретный и практический вопрос. Вроде бы не философский. Но медики осмысливают ситуацию, действуют рационально и аргументированно, значит, логика осмысления и философия с психологией присутствуют.

В субстанциальной логике (С-логике) картина выглядит так: ребенок должен получать помощь в профильном лечебном учреждении. И это не обыденный «идеал ребенка», это научно обоснованный идеал организации педиатрической помощи. Обоих детей согласно идеалу профильной помощи нужно перенаправить в психиатрическую больницу. Больница соматического профиля не должна лечить детей с психическими расстройствами. Каждая больница лечит «своих» пациентов, так обеспечивается качество лечения. Если больница лечит «чужих» пациентов, значит, лечение недостаточно квалифицированное либо ошибка в диагнозе. И такие варианты предполагают ответственность. Врачи уверены, что где-то ошиблись, поскольку идеал профильной помощи сомнению не подвергается. С-логика идеала подводит врачей к выводу, что в лечении «чужого» пациента они в чем-то ошиблись. Вылечили успешно. Результат лечения, казалось бы, эмпирически исключает ошибку. Однако ситуация в свете идеала «психологически невозможна». И в неудовлетворенности врачей проявляется возникший психологический конфликт.

А в П-логике картина меняется: течение заболевания необходимо прервать или ослабить. Это главное. И не важно кто, где, как именно ослабит или прервет течение заболевания. Идеал профильной помощи не оспаривается, теряется его ультимативность. Возникают другие вопросы: согласятся ли родители на госпитализацию в психиатрическую больницу? Если согласятся, прекрасно. Но если родители откажутся от профильной помощи в психиатрической больнице? На госпитализацию в «обычную» детскую больницу родители согласны и предпочитают эту больницу психиатрической. Врачи должны отказать в своем непрофильном лечении и позволить заболеванию разрушать организм ребенка? Оба случая достаточно серьезны в плане прогноза. Хотя расстройств классифицируются как психические в противоположность соматическим, в течении расстройств проявляются оба фактора. В П-логике действия врачей вполне обоснованны. Оценив отношение родителей к психиатрической помощи и течение заболевания, медики принимают решение о госпитализации детей в свою непрофильную (не психиатрического профиля) больницу. Нормативные схемы лечения обоих заболеваний предполагают активное участие не только психиатров, но и гастроэнтерологов. На первых этапах лечения гастроэнтерологи имеют приоритет, роль психиатров становится ведущей в более отдаленной временной перспективе. Но оба ребенка и не госпитализировались на длительный срок. Как мы видим, при осмыслении первой точки начала действия в С-логике возникает психологический конфликт, а в П-логике не возникает. Важно, что врачи осмысливают для работы. Осмысление возникает не из теоретического интереса, как порой кажется врачам.

Дальше по ходу лечения возникает *вторая точка* начала действия – информирование родителей. Родителям надо как-то объяснить, что заболевание их ребенка устроено сложнее, чем кажется. Объяснить это нужно для того, чтобы родители нечаянно не усугубили состояние ребенка после выписки, а не только из вежливости, не только по формальным основаниям. И во второй точке начала действия картина тоже сильно различается в зависимости от логики осмысления. При осмыслении в С-логике возникает серьезное напряжение между медиками и родителями. Психическое (психосоматическое) расстройство возникает у ребенка под влиянием некоторых факторов. Научные данные говорят, что один из основных факторов – стиль семейного воспитания (то есть ситуацию болезни ребенка создают родители). Если не полностью создают, то существенно усугубляют созданную кем-то другим ситуацию. Получается, что медикам нужно обвинить родителей в неадекватном стиле воспитания, который привел к психосоматическому заболеванию ребенка. Как сказать такое родителям? Очень тяжелая для медиков задача. В действующем законодательстве есть интересная формулировка: «в мягкой форме». Другая формулировка: «с соблюдением этических и деонтологических требований». А психология в законодательстве не упоминается. Но медики понимают ситуацию и обращаются к штатному психологу больницы.

Основных запросов к психологу два. Первый – какими словами сказать, какие «научно-магические» средства использовать для воздействия на родителей. С точки зрения психолога, запрос невыполним. Второй запрос – полностью делегировать взаимодействие с родителями психологу, освободить медиков от разговоров с родителями якобы в целях повышения качества их основной лечебной работы. Второй запрос хорошо согласуется с профессиональным идеалом профильной помощи. Пусть психолог разговаривает, а врач лечит. Но реальность сложнее. Такое решение категорически не устраивает родителей. Родители «хотят видеть глаза специалиста» (формулировка из реальной беседы). Обычно родители не против взаимодействия с психологом. Но «видеть глаза специалиста», который лечит их ребенка, родители хотят обязательно. Оба запроса, которые возникают у медиков при осмыслении взаимодействия с родителями детей-пациентов в С-логике, невыполнимы.

При осмыслении в П-логике ситуация выглядит иначе. Родителей беспокоит течение заболевания ребенка. Такая формулировка хорошо воспринимается медиками, хотя неточна; в ней много С-логики, но сейчас не важно. Если здоровье ребенка не беспокоит его родителей, у медиков возникают совсем другие проблемы, которые решаются иначе. А когда родителей беспокоит здоровье ребенка, они задумываются, как улучшить здоровье. Вопросы «кто виноват?» или «в чем первопричина?» не обязательно возникают. Обязательно возникает гораздо более конструктивный вопрос «что делать?» Ответ прост: смотря кому делать. Врачи делают свое дело, родители свое. Родители свободны в выборе, они могут ставить и решать любые задачи в заботе о ребенке. При таком осмыслении стиль воспитания с родителями не обсуждается, обвинение в неадекватном стиле воспитания не может предъявляться. Обсуждаются отдельные действия, без обобщения. И в той мере, в какой родители понимают влияние своих действий на здоровье ребенка, они охотно соглашаются попробовать другие действия. Осмысливая ситуацию в С-логике, мы будем говорить об изменении стиля воспитания. Но в П-логике психологически иная ситуация. От родителей не требуется изменить стиль воспитания. Родителям просто предлагается другой вариант поведения, они сами принимают решение. И могут даже самостоятельно обратиться к психиатру, это не так уж сильно отличается от наблюдения другого узкого специалиста в поликлинике по месту жительства. «Наклеивание ярлыка» психического расстройства логически невозможно.

Такова теоретизированная и схематизированная картина применения П-логики. Полезно искать выход, меняя логику осмысления ситуации. Дальше уже логика «сама выстраивает» понимание и действие. Хотя на изобретение панацеи мы не претендуем. И эмпирически, конечно, не так четко применение схематизируется. Сложнее строится работа. Возникает много вопросов, над которыми сейчас работаем и дальше планируем работать.

Смирнов: А можно подчеркнуть, что именно, собственно говоря, процессуально логического было, что помогло разрешить ситуацию? Или это просто обыденное такое: ну поговорили, нашли общий язык?

Солондаев: Да нет, дело в том, что нам пришлось выстроить модель ситуации, если условно говорить, от ребенка как устойчивого носителя свойств. Нам пришлось выстроить модель ситуации, в которой с этим ребенком разные люди совершают разные действия, и описать все это корректно с точки зрения медицины, что весьма непросто, кстати.

Конов: Это разные специалисты, которые взаимодействуют с одним и тем же ребенком или все эти специалисты являются каким-то одним действующим началом?

Солондаев: Скорее, второе. И именно в этом плане проблема классификации, в какое отделение нужно госпитализировать ребенка, она не так важна, как кажется из субстанциальной логики. Потому что каждый ребенок должен попадать, извините, в свое отделение. Но они же лечат вместе. Это, действительно, совокупный какой-то специалист, целостный специалист. Лечит вся система здравоохранения, если можно так сказать.

Рыскельдиева: Владимир Константинович, а можем мы надеяться на такой же или близкий терапевтический эффект от применения субстанциональной логики в мире, где преобладают носители процессуальной? Дело ведь в том, что эффект дает просто смена логик?

Солондаев: Сложно сказать. Смена логик далеко не симметрична. Для современной отечественной педиатрии нормативна С-логика. На этом материале П-логика дает новое осмысление и преодолевает затруднения. А на другом материале может получиться иначе. Может найтись материал, который так описывается в С-логике, что затруднения преодолеваются обратным переходом – от П-логики к С-логике. Эффект перехода явно должен меняться в зависимости от того, какая логика нормативна для осмысления конкретного материала. Каждая из логик может создавать и решать проблемы, но проблемы будут разными. Ни одна из логик не лучше другой во всем. И невозможно говорить об одной и той же ситуации в разных логиках. Поэтому нужна эмпирика.

Рыскельдиева: Это понятно, но, если, к примеру, среди арабов применить такой же прием, будет ли эффект, как вы думаете?

Солондаев: Вы знаете, я не возьмусь судить. С арабами-то мы не сталкивались, но с носителями других культур, условно восточных, сталкивались. И, как ни странно, их можно научить нашей логике.

Лекторский: Да, это мы знаем.

Солондаев: Я не вижу большого смысла, понимаете, учить их процессуальной логике. Они ее подхватывают сразу. Скорее, нужно учить людей, которые с ними коммуницируют.

Пружинин: У меня выступление скорее вопросительного характера, чем утвердительного. И тоже на конкретном материале. В каком-то смысле я продлеваю то, что Владимир Константинович сейчас говорил, только на другом материале. Может быть, забавно звучит, но моя кандидатская диссертация называлась «Проблема целостности теории». Эта тема все время присутствовала в том, чем я занимался и продолжаю заниматься сейчас – эпистемология, теория науки. И вопрос, как проникнуть в иную культуру, как это ни парадоксально, сегодня очень остро стоит в современной науке. Дело в том, что она становится все более междисциплинарной, а это предполагает общение между представителями разных дисциплин, говорящих на разных языках. Представим себе физика-ядерщика и биолога. Как они общаются? В поисках ответа на этот вопрос я обратился, благодаря Андрею Вадимовичу, к работам Григория Александровича Ткаченко, который попытался реализовать логику перевода с проникновением в другую культуру. Меня интересовало, как это делается, как это осуществляется. И вы знаете, он действительно попытался погрузиться в некую реальность другой культуры, в ее целостность. Будучи китаистом, он попытался сформулировать специфику этой культуры на ее языке. Но получилась, как мне представляется (я говорил об этом с востоковедами), апелляция к реальной практике этой культуры. И хочу заметить, я занимался тем, как взаимодействуют между собой специалисты разных дисциплин, обнаружившие в процессе работы на Большом адронном коллайдере частицу Бога, бозон. Как общаются они между собой? Как это возможно? И первое, что бросается в глаза, это выработка определенного «суржика», «креольского» языка, на котором теоретик (физик-ядерщик) объясняет параметры исследования другим участникам эксперимента (несколько тысяч специалистов разных профессий и специальностей). И надо вам сказать, что методологи науки обратили на это внимание. Тот же П. Галисон рассуждает о «зонах обмена», проводя аналогию между междисциплинарным общением ученых и разных по культуре и языку племен, торгующих между собой. И в том, и в другом случае людям, именно для практических нужд, потребовался общий язык, который они вырабатывали на практике. Разность миропонимания, языка и культуры не мешала им обмениваться и торговать, потому что речь шла о реальных практических вопросах, в которые они погружались. Так вот, у меня вопрос такой к Андрею Вадимовичу и ко всем, кто развивает эту концепцию: «Существовали ли

попытки рефлексии над основаниями собственной культуры на Востоке?». В конце концов, когда мы сегодня говорим о природе, подчеркиваю, сознания, мы опираемся на понятие «знание», которое связано с наукой. Мы опираемся на европейскую философскую традицию и терминологию. Замечу, что этот вопрос был краеугольным камнем русской интеллектуальной культуры, вспомним хотя бы дискуссию по этому вопросу между Шпетом и Шестовым (Афины или Иерусалим? Мудрость или Разум?). Рассуждая сейчас о «логике» восточных культур, мы пытаемся выйти за пределы собственной культуры. А была ли такая попытка в имманентной арабской культуре? Были ли такие попытки в китайской? Как этот переход реализуется? Ведь смысл-то вопроса, который задала коллега Рыскельдиева, прост: а не пытались ли врачи Востока, опиравшиеся на процессуальную логику, погрузиться в обычную логику, ставя диагнозы и вылечивая? У меня такой же вопрос возник в связи с междисциплинарным общением. Сегодняшняя ситуация в науке, действительно, стимулирует обращение к такого рода сюжетам. Это очень важно, и перспективны, которые здесь открываются, мне кажется, заслуживают самого пристального внимания и проработки, позволяющей их распространять на другие области, если возможно. Спасибо.

Лекторский: Спасибо. Так, вопросы есть к Борису Исаевичу? Или какие-то дополнения?

Смирнов: Наоборот, он нам задал вопрос.

Пружинин: Да, это хитрый ход редактора.

Лекторский: Будем отвечать на его вопросы в том числе.

Смирнов: Арабо-мусульманская культура рано узнала греков, и поэтому возник, конечно, вопрос: что это за логика, о чем она? Ведь уже к IX–X вв. это была хотя и иноземная по происхождению, но вместе с тем и своя логика, в том смысле, что она была представлена в произведениях на арабском языке в землях исламского халифата. И вместе с тем уже была собственная, автохтонная традиция теоретического дискурса, а значит, терминологического и логического освоения территорий языкознания, философии, вероучения, права. Возник вопрос: как соотносятся эти две традиции, греческая и арабская (арабская в смысле языка, не в этническом смысле)? Как соотносятся два стиля мышления, две логики? Это подробно обсуждалось, обсуждалась инаковость греческой логики, ее зависимость от греческого языка и, следовательно, ее неуниверсальность и непригодность для выражения того мироосмысления, которое характерно для арабоязычной культуры. Об этом интересно и подробно написано в знаменитой «Книге услад и развлечений» ат-Тавхиди, частично переведенной на русский язык. Полемика вокруг греческой логики возникла постоянно на протяжении классического периода, вспомнить хотя бы замечательную книгу Ибн Таймийи против греческих логиков. Она еще ждет своего настоящего исследователя. В области исламского права были те, кто отстаивал аристотелевский силлогизм как орудие вывода, однако подавляющее большинство правоведов с этим не согласились и развили собственную теорию логического вывода, которая не зависит от классов сущностей и их иерархий и работает с единичными действиями. В этом все дело: если вы видите мир как совокупность действий, протекающих между действующими и претерпевающими, то вам нужна логика и теоретический аппарат, которые позволяют работать с этим. А сущность, субстанциальная форма, бытие и т.п. – все это замечательно, но к делу не прикладывается, остается музейным экспонатом, поскольку действие не бытийствует и не обладает сущностью в аристотелевском смысле. Это – классический период. А что касается современности, то вспомним аль-Джабири и его концепцию «арабского разума», Аркуна и его «исламский разум» – все это, и многое другое, суть попытки нащупать собственную, несводимую к европейской, рациональность, имеющую корни в арабо-мусульманской истории, и критика таких попыток.

Конец: В связи с этим хотел бы высказать реплику. Одно дело, как совершается что-то в культуре. А в каждой культуре что-то совершается на основе того опыта, той интуиции, которые в культуре существуют, иначе не было бы вообще жизни. Если

говорить, скажем, о лечебных практиках. Возьмите вы знахарей, которые не были какими-то шарлатанами, а были реально теми, кто вылечивал на основе того, как использовались травы, как использовались способы воздействия на тело и т.д. Спрашивается: откуда они знали это? Они не знали ботаники, они не знали химии. Они вообще не знали научного обоснования этого. Но из поколения в поколение передавался какой-то опыт. Так работала культура. И другой разговор, как это в культуре осознавалось. Вот для этого философия и существовала. Если взять, скажем, китайскую философию, взять дао-дэ-цзин. Она говорит о том, каким образом надо действовать, чтобы не навредить в любом случае, будет ли это медицина, будет ли это политика, будет ли это военное дело. Отсюда весь комплекс представления о недеянии. Это вовсе не значит, что надо сидеть сложа руки, а надо уметь это делать. Значит, рефлексия это одно, а реальная культурная практика это нечто другое. Вот что важно в концепции Андрея Вадимовича: он пытается дать картину, где существует возможность искать основание культурного действия. Это интуиция культурная, это целостность культурная, которая начинает каким-то образом работать. Вот как она работает? Это и есть дело философа. Спасибо.

Касавина: Спасибо. Мое сообщение связано с двумя вопросами из тех, которые были поставлены перед нашим обсуждением: о концептуальных перспективах трактовки процессуальности и субстанциальности как эпистемологических стратегий, а также о практической значимости и возможности изначально вариативного пути смыслополагания.

Мне кажется, что внимательное изучение текстов Андрея Вадимовича позволяет ощутить значимость и содержание этих перспектив. Интересно наблюдать за тем, как работа автора идет в двух проекциях: в процессуальной и субстанциальной, демонстрируется разница этих стратегий или логик, в том числе применительно к конкретным проблемам и вопросам. Его тексты несут важную миссию: у читателя или исследователя открывается двойное видение, двойное зрение, в том числе применительно к той проблематике, которой он сам занимается. Эти проекции обогащают наше понимание. Мне стало это понятно в отношении к той области, которой я занимаюсь в большей степени, чем другими, – это экзистенциальная философия и исследование экзистенциального опыта. Я отчетливо увидела, какие именно ее особенности определены в основном субстанциальной логикой. Например, это касается понимания экзистенции на стыке вопросов о сознании и бытии, или бытия сознания. Собственно с этого начинают свои ключевые работы К. Ясперс и Ж.-П. Сартр («Философия» и «Бытие и ничто»). Здесь и представление об экзистенции как о некоем центре или таком уровне подлинности, которая находится в состоянии вечной рассогласованности с наличным состоянием, и неудовлетворенность человека самим собой. Налицо пространственная перспектива, опирающаяся на субстанциализм, и она порождает соответствующие образы. Вместе с тем я увидела и другую линию. Когда начинаешь настраивать взгляд определенным образом, то и линия процессуальности возникает, и она связана уже с другим ракурсом понимания экзистенции – как всегда живого состояния, как длящегося процесса сопряжения с миром, экзистирования, постоянной открытости возможному, выходу за свои пределы. И образы в этой перспективе возникают совершенно другие, например «мерцающая экзистенция» у Ясперса. Интересно, что в рамках самой экзистенциальной философии и ее систематизации звучали конкретные призывы к преодолению пространственного взгляда. Это выражал, в частности, О. Больнов, пытаясь представить историю экзистенциальной философии.

На мой взгляд, понятия связности, целостности, свернутости, развернутости, получившие концептуальное обоснование в работах А.В. Смирнова, многое способны дать в прояснении философских категорий. В частности, феномен экзистенциального опыта открывается в сплетении интуиций, переживаний, впечатлений и рефлексивных способов их «распутывания» личностью. Эти способы выводят на другой уровень осмысления латентные и спонтанные составляющие опыта, в соответствии с чем

меняется и спектр рефлексивных возможностей. Если «начинать со связности», как советует нам автор, то укрепляется и обретает новые черты представление о рекурсивности опыта как пульсирующего процесса становления самоотношения в отношении к миру и наоборот (см.: *Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М., 2021. С. 34–35*).

Внимание к процессуальности позволяет открыть новый вектор в понимании становления тех или иных философских течений, а также истории философии в целом. Собрание вкраплений процессуальной логики, открытие новых цепочек в европейской философии имеет не только историко-философское, но и проблемно-ориентированное значение. Интересно при этом видеть, как сам Андрей Вадимович предлагает пример таких цепочек, в которых проблематизируется субстанциальная логика, находятся неразвернутые источники процессуальной перспективы: Платон, Аристотель, Эйлер, Николай Кузанский, Бергсон. Причем эта цепочка, действительно, не хронологического, как подчеркивает автор, а смыслового свойства.

Далее у меня возникло предположение, что неклассической эпистемологии или неклассическим этапам развития социально-гуманитарного знания в большей степени свойственно обращение к процессуальности под влиянием расширения интерпретации философских проблем и внимания к целостному человеку. Приведу пример, связанный с развитием экзистенциальной психологии. В ней не только более ярко выражены динамические аспекты опыта, но и проводится разграничение на концепции онтологического и персоналистического направлений (см.: *Шумский В.Б. Экзистенциальная психология и психотерапия: теория, методология, практика. М.: ВШЭ, 2010*). Онтологические направления связаны с рассмотрением бытия человека, отличного от природной и социальной детерминации, с описанием структуры экзистенции, пониманием непреодолимых экзистенциальных данностей, определяющих существование. В центре внимания персоналистических концепций – проживание экзистенции, актуализация личности и личностной динамики, пробуждение «духовных» способностей, предполагающих работу со смыслами. Эти направления дополняют друг друга, проясняя, с одной стороны, понимание экзистенции как феномена, с другой – условия и факторы ее становления.

В целом, на мой взгляд, различение субстанциальности и процессуальности как эпистемологических стратегий дает основу для выявления и анализа новых методологических изменений как в истории, так и в современном состоянии философии и гуманитарных наук. Можно ли эти фрагменты процессуального взгляда интерпретировать как латентное присутствие процессуальной логики в философии и науках, а также как осознание границ субстанциализма в поле развития науки? Я склоняюсь к положительному ответу, тем более что в работах Андрея Вадимовича есть упоминание о присутствии обеих этих логик в нашем сознании и, соответственно, в философии и науке, но они находятся в разной степени развернутости.

Возникает вопрос и другого рода: каковы особенности обращения к процессуальности на современном этапе философского и научного знания, когда оно может носить уже не стихийный латентный характер, а направленно-концептуальный? Здесь, я думаю, актуально прояснение методологии использования процессуального ракурса, в том числе для исследователей, которые могут к этой методологии обращаться, понимая, что это не только обращение к динамике или процессам в отношении какого-либо предмета или явления. Как я поняла для себя, чтобы обращаться к этой методологии и с ней работать, нужно иметь в поле зрения весь спектр категорий, которые формулируются автором как оригинальные и получают оригинальную трактовку. Этими категориями являются логика смысла, связность, целостность, свернутость, развернутость, смыслополагание и другие. Если эту цепочку иметь как ориентир и в ней разобраться, то она дает мощную основу для применения логико-смыслового подхода в конкретных исследованиях как теоретического плана, так и практико-ориентированного. Книга «Процессуальная логика» является хорошим примером соотношения методологии и прикладного, конкретно-ориентированного уровня анализа

и решения специальных экспериментальных задач (см.: *Смирнов А.С., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М.: ООО «Садра», 2019*). Интересно проследить, как в этой книге подобран инструментарий психологического изучения индивидуального сознания, как формулируются вопросы, которые раскрывают феномен процессуальности в предмете исследования. Мне кажется, проблема теоретического исследования с акцентом на процессуальности должна усматриваться в обращении к истоку и становлению тех или иных исследуемых феноменов с воспроизведением всей указанной выше понятийной цепочки, включая выход на такой исходный пункт, который предполагает акцент на действии. Если в качестве примера брать феномен экзистенции, здесь также нужно пересматривать цепочку, которая дана в классической экзистенциальной мысли, где трактуются целостность, чистое я, экзистирующее сознание, проблемный уровень экзистенции, предполагающий переживание и осмысление неотъемлемых дихотомий человеческого бытия. Сопоставление процессуальной логики в сравнении с субстанциальной может дать здесь новые результаты. Если говорить об экзистенциальной психологии, то значимость процессуального взгляда можно увидеть на примере работ А. Лэнгле, который разработал модель процессуальной актуализации личности.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что субстанциальная и процессуальная эпистемологические стратегии могут стать новым вектором для метафилософской рефлексии и понимания сущности философии, ее задач в современном мире. Концептуальное значение может быть обосновано и для конкретных областей гуманитарных наук, а также для проведения эмпирических исследований. Разумеется, со знанием арабского языка оперировать возможностями процессуальной логики легче, можно сопоставлять понятия, оттенки языка, языковые ситуации, и в работах А.В. Смирнова мы видим разнообразные и интересные примеры, убеждающие в различии способов смыслополагания, которые определяют сознание и жизненный мир представителей больших культур. Но вместе с тем тексты автора показывают, что эти стратегии вполне могут стать общезначимыми в научном и философском смыслах.

Теперь я перейду к вопросу о практической значимости тезиса о возможности вариативных путей смыслополагания. В той или иной мере мы этого касались в дискуссиях по плановой теме Института философии РАН «Российский проект цивилизационного развития», акцентировали внимание на поиске новых возможностей преодоления межкультурной и межцивилизационной напряженности через признание уникальных способов смыслополагания, определяющих большие культуры. Вспоминается, что когда-то активно обсуждалось направление культурного релятивизма, которое, на мой взгляд, не получило должного обоснования и развития и осталось на уровне частных задач преодоления этноцентризма в конкретной культурной среде. Идеи Ф. Боаса, М. Мид, Р. Бенедикт подверглись критике, поскольку не удалось на основе этих антропологических и этнографических исследований сформировать влиятельный теоретический ресурс. Идея понимания культуры изнутри и связанного с ней вектора мирного сосуществования культур, в сущности, осталась в рамках культурно-антропологического подхода. На мой взгляд, логико-смысловой подход является четким, обоснованным и теоретически сильным (поскольку опирается на комплекс глубоких исследований философии сознания, языка, культуры, цивилизации) методологическим основанием для исследования больших культур, поиска методов их понимания. Не случайно эти поиски приводят самого автора данного подхода, А.В. Смирнова, к идее всечеловеческого развития и всесубъектности. Вектор равновесия особенно проявляется в обосновании того, что логика смысла, развернутая в той или иной большой культуре, имеет и свернутые возможности использования других логик. Возможности культурного, научного или философского диалога становятся более ощутимыми.

Важно отметить и то, что философский, лингвистический, культурный и цивилизационный ракурсы, присутствующие в текстах, которые мы сегодня обсуждаем, усиливают друг друга, являясь мощной теоретической базой для комплексных исследований.

В поисках ответов на поставленные перед нашим обсуждением вопросы важен пример, который нам показывает сам автор. Стиль и характер его работ многое проясняет, поскольку является выражением глубоких оснований, восходящих к прочувствованному самим автором способам смыслополагания. Каковы черты этого стиля? Это двойное видение, постоянно присутствующее в размышлениях, о чем я уже сказала, как указание на возможности его расширения, открытие других логик смысла. Наконец, удивительная особенность текстов Андрея Вадимовича – внимание к многогранному личному опыту, который выражен в тонких языковых оттенках. С обращением к нему и с опорой на него осуществляется авторская философская рефлексия. Это делает размышления живыми, интересными, вызывающими у читателя и исследователя широкий спектр собственных образов и аспектов опыта. Я бы назвала такой стиль философского повествования экзистенциально-насыщенным. Мы читаем, например, об особенностях восприятия картины, о текучести красок, о трактовке разных ощущений, особенностей восприятия – за которыми всегда находится особая связность, сформированная долгим путем развития культуры, и мы становимся ее частью и продолжением. Эти примеры позволяют автору показать глубинный характер исследуемых явлений и процессов, вывести на интуиции смыслополагания, понять, «как делается смысл» (Смирнов А.В. Сознание как смыслополагание // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 42). Вспоминается один пример, который меня удивил, где автор, размышляя об осмыслении ощущений как некоего чистого фона и о роли сознания в этом процессе, пишет: «в темноте еда и питье никак не могут найти свой вкус; они меняют или даже теряют его, иногда полностью: терпкость вина или сладкая горечь шоколада обесмысливаются без восприятия предмета» (Там же). И все эти образы, передача ощущений присутствуют в тексте вовсе не в ущерб рациональным аргументам и строгости аргументации. Аргументация как раз отчетливая, но осуществляется она не сухо или формально, а в особом ключе взаимодействия с собой как субъектом связности и читателем, становящимся на позицию со-размышления. Лично у меня возникло стойкое ощущение постоянного диалога, который автор ведет с собой и с читателем, делая его участником увлекательной работы с собственным сознанием, работы, которая вместе с тем выводит за пределы самого себя и через язык как дар связности «обнаруживает» мир и Другое. Таким образом, сами тексты как будто говорят за себя и предлагают образ или образцы возможностей субстанциальной и процессуальной логик в действии, а воспринимающий их исследователь получает мощный источник для их применения в своих областях.

Лекторский: Спасибо, есть вопросы? У меня к вам вопрос, Надежда Александровна: вы сами-то попробовали пить вино в темноте?

Касавина: Вот я собираюсь.

Лекторский: Вы соберитесь, а потом расскажете о своих ощущениях.

Псху: Во-первых, я хотела поблагодарить за приглашение. Очень интересный «круглый стол» и, соответственно, очень интересные идеи, выступления. Поскольку с работами Андрея Вадимовича я знакома давно и даже практикую это, то есть вино в темноте я, наверное, все-таки, можно сказать, пила, метафорически выражаясь. Более того, я арабист, поэтому для меня некоторые моменты, которые сегодня обсуждались, не вызвали никаких вопросов, поэтому я предлагаю провести мысленный эксперимент. Давайте представим, что все теоретические проблемы мы решили и теперь столкнулись с вопросом «а что с этим со всем делать?». У нас есть субстанциальная логика, есть процессуальная. Мы сейчас не берем другие, мы берем сейчас тот материал, на основании которого, собственно, функционирует арабоязычная культура. Мы можем здесь сразу увидеть, что субстанциальная логика ориентируется на результат, а процессуальная – на процесс, в конце которого мы сами не знаем, что будет. Введем такое понятие, как *жизнеспособность культуры*. Здесь возникает такой момент: субстанциальная логика задает определенную матрицу действий, которая нас потом подводит к определенному результату. К примеру, у вас есть коллектив сотрудников и определенные задачи, которые вы ставите перед ними. Предполагается, что есть какой-то

процесс, он идет, идет, идет, а потом в определенный момент должен появиться результат. Мы не живем так, что мы все время в процессе, будь это работа, семья, хобби, – всегда есть нечто, на что мы ориентируемся. И часто бывает так, что некоторые люди (а в перспективе и культуры) не встраиваются в наш жизненный мир, с точки зрения нашей логики. Они либо постоянно находятся в процессе, либо у них какие-то другие задачи. Если в европейскую культуру, которая строится на субстанциальной логике и соответственно создает определенный жизненный мир, предполагающий такую логику (сроки, «дедлайны» и т.д.), не встраиваются люди или культуры иного типа, то что с ними делать? Они, получается, выпадают из этой культуры, выпадают из нашего жизненного мира, мы их увольняем, мы с ними перестаем общаться, или мы начинаем с ними как-то бороться и т.д. Это не означает, что они не живут. Они могут устроиться, быть очень жизнеспособными где-то в другой культуре или в другом каком-то жизненном пространстве. И здесь возникает этические вопросы, который важно включить в процесс обсуждения. Это вопрос об ответственности. Если мы говорим о коммуникации, то коммуникативный эффект предполагает некую завершенность смысла. Мы вкладываем нечто определенное в коммуникацию, если хотим, чтобы нас поняли, и если мы, конечно, этой коммуникации не избегаем. Это хорошо видно на переводах или на историко-философских исследованиях. Можно сколько угодно переводить или предлагать какие-то варианты интерпретации, но пока не будет ясной определенности «а что вы хотите этим сказать?», пока не будет ясно, какую позицию ученый занимает в отношении изучаемого им источника или философской системы, исследование считается незавершенным. И с точки зрения субстанциальной логики не иметь в виду результат означает бессмысленность процесса. В этом отношении процессуальная логика рискует оказаться бессмысленной для нашей культуры. Второе важное понятие – *доминирование*. Если мы согласны с тем, что есть процессуальная логика, есть культуры, которые живут по другой логике, у них по-другому все разворачивается, задачи другие, они по-другому видят или расставляют акценты в своем мировидении, у них другая философия, которая не встраивается в нашу, то возникает тот же вопрос: а что с этим делать? Я думаю, этот вопрос стоит рассмотреть с позиции доминирования. Понятие доминирования не означает, что мы должны навязывать свою логику, но оно необходимо, если мы предполагаем хоть какую-то модель «уживания» этих культур. В любом случае мы как представители европейской культуры должны занимать определенную позицию, ситуативно решать, что в данный момент нам нужно, а что нет. Мы сейчас не говорим о философии, я говорю о практических вещах. Если мы говорим о коммуникации двух личностей, когда один человек ждет от другого человека определенного результата, то третий термин, который, на мой взгляд, нужно включить в обсуждение – *личность*. Вот эти три понятия, которые мне представляются важными при обсуждении теории Андрея Вадимовича: жизнеспособность культуры, доминирование [одной культуры над другой], личность. Еще раз повторю, мы абстрагируемся от частных теоретических вещей, которые, я полагаю, в любом случае будут решены. И продуктивнее сразу задуматься о вопросе: что с этим делать? Как с этим жить? И уже сейчас очевидно, что есть борьба, по сути, жизненных миров, в основе каждого из которых скрыто лежит своя логика смыслополагания, смыслопреобразования и т.д. И как бы мы ни пытались абстрагироваться от своей культуры и своей логики смыслополагания, будучи философами, мы все равно остаемся представителями своей культуры, определенными личностями, у которых есть свои этические принципы, своя позиция. И, может, именно сейчас уже нужно двигаться в этом направлении. Это, собственно, то, что я хотела отметить.

Рыскельдиева: Я, если можно. Вот Надежда Александровна произнесла словосочетание «междивизиционная напряженность», и Рузана Владимировна как раз это отметила. И вопрос Бориса Исаевича тоже был о том, способна ли арабская культура к саморефлексии. Тут, конечно, можно рассуждать и так, что нам не надо изучать и знакомиться с процессуальной логикой, а лучше создать такую нейросеть, которая рано или поздно всех потенциальных террористов определит, обозначит и лишит нас этой

опасности. Это очень эффективный, практически осуществимый проект, Рузана Владимировна, но он абсолютно аморальный. Мы же говорим о совершенно другом проекте. Мы говорим об изучении разных логик в расчете на такой вот всечеловеческий, этический проект, который можно назвать моральной утопией.

Псху: Нет, минуточку, мне кажется, вы меня неправильно интерпретировали сейчас или не поняли изначально. Я-то как раз полностью и абсолютно согласна, что надо изучать разные культуры. Надо изучать и арабоязычную и логику процессуальную. Только вопрос в том, что не нужно упускать из виду свою позицию, это первое. Второй вопрос не об арабских террористах. Вопрос в том, что араб останется арабом, вы же не сможете его переделать, правильно? Человек, который не хочет что-то делать или живет по своей какой-то схеме, останется собой. Но настанет момент, когда вы останетесь с ним тет-а-тет. Речь идет о том, что мы можем в этой ситуации сделать, к примеру, чему мы можем научиться. Мы разные, и культуры разные. Но в этой разности нужно находить общий язык. Я, оставаясь собой, видя эту разность, отличность другого человека от меня, должна принять ее со всей ответственностью, спросить себя со всей ответственностью: хочу ли я дальше продолжать отношения с этим человеком? Хочу ли я впускать в свой жизненный мир чуждые элементы чужой мне культуры? Хочу ли я вообще иметь дело с этим человеком? С этой культурой? Это невозможно без предварительного изучения, это невозможно без знания, это невозможно без большой работы, которую провел и ведет Андрей Вадимович. И бывает так, что да, ты вынужден из своей жизни, из своего жизненного мира удалять какого-то человека или какую-то культуру (в широком смысле), если это тебе вредит. Я говорю об ответственности, о реалистичном подходе, ведь бывает так, что люди и культуры оказываются несовместимыми. Это жизнь, и бывает, что культуры сталкиваются. Я не думаю, что многообразие культур можно вписать в некую лубочную картинку, а все человечество протянет друг другу руки, чтобы станцевать сиртаки. Нет, речь идет о том, что культуры, как и люди, могут не найти общего языка. И надо быть готовыми защищать, пусть это звучит немножко патетично, свою культуру и занимать ясную позицию. Я говорю об интересах и о жизнеспособности культуры как практик, как человек, который предполагает жить долго, мирно и комфортно.

Конев: Можно? Рузана Владимировна начала с предположения, что создана логика смысла. Если она будет создана, то это не значит, что нам будет известно, как общаться с человеком другой культуры. Для этого логика смысла не нужна. Мы и сейчас, не имея знания о том, как выстраивается логика той или иной культуры, должны исходить из того, что необходима толерантность в отношении культур. И здесь без знания логики процессуальной или субстанциональной можно обойтись. Это обычная культурная практика. А вот другой разговор, если будет создана логика процессуальная, то тогда мы в нашей культуре, в нашей российской, европейской культуре, будем иметь две логики, которые будут использоваться для разных целей.

Псху: Ситуативно.

Конев: Логика субстанциальная будет работать и работает в классической науке или в каких-то обыденных рассуждениях. А логика процессуальная, как я представляю ее для себя, покажет, каким образом следует начинать дело и как его организовать. Это умение уже будет не просто практическим – один умеет, другой не умеет, но будет универсальным умением. Как говорил Декарт: для чего нужны методы? Да чтобы всякий дурак умел правильно мыслить.

Псху: Владимир Александрович, я с вами абсолютно согласна. Еще раз подчеркиваю, здесь очень тонкий момент. Речь не идет о том, что я противопоставляю эти логики. Конечно же, мы должны владеть этой логикой, мы должны познавать ее, где-то уметь применять и т.д. Это не исключает той ситуации, о которой я говорю, что развитие событий может привести к тому, что иная культура может оказаться враждебной нашей по каким-то своим онтологическим принципам. И в некоторых вопросах модель другой культуры действительно может не совпадать с нашей моделью или даже вредить ей. Моя мысль заключается не в том, что не нужно изучать

процессуальность или другие культуры. Нет! Давайте изучать! Прекрасно! Но нужно быть морально готовыми к тому, чтобы продумать пути исключения из своего жизненного мира того, что ему может навредить. Как в коллективе, когда человек не выполняет свои обязанности и постоянно находится без результатов в процессе, его исключают. Я говорю о зрелости, ответственности, умении правильно оценивать ситуацию.

Конев: Это нравственная проблема, это не проблема логики.

Псху: Я об этом и сказала сначала, что вопрос касается не логики, а уже практических вещей. Спасибо за внимание.

Парибок: Одна грань того, о чем говорила Рузана Владимировна, опирается на очень важный аспект, который я в своем выступлении опустил. А именно: логика смысла – это одно важнейших отражений того, что точнее нужно назвать типом рациональности, которая априорна для данной цивилизации или культуры. Из этой «рациональности» вытекает очень многое. В частности, и арабская «рациональность», и европейская, например, индийская или китайская, имеют в виде типичного последствия определенную конструкцию общества. Например, европейская – это гражданское общество, а индийская – это общество пород людей, которые у нас называются «касты», на санскрите «джати». В Китае это конфуцианская конструкция, в которой совершенно странным для нас образом склеена мораль и политика и именно это является фундаментом китайского общества. И это является важнейшей подоплекой для практического действия. Мы в России привыкли жить с идеалами «гражданского общества», на самом деле неизвестно, насколько это адекватно для нас, вполне ли подходит, потому что европейская цивилизация в нашем варианте не западноевропейская. Арабам «гражданское общество» не подходит. Пытались устроить гражданское общество – получился хаос. Здесь очень большой выход на социологические проблемы и проблемы теоретической социологии общества.

Лекторский: В связи с тем, что сказала Рузана Владимировна, я могу заметить, что толерантность и диалог это не одно и то же. Можно быть толерантными к тем, кого вы не понимаете и отказываетесь понимать. А диалог без взаимного понимания невозможен.

Михайлов: Я специально хотел выступить ближе к концу обсуждения, потому что, в отличие от большинства вдохновенных докладчиков, я буду противничать и цепляться к мелочам по традиции уже сложившейся. Я пытался написать тезисы, но столкнулся с тем эмпирическим фактом, что философия сознания Андрея Вадимовича в буквальном смысле лишает меня сна. Я начал писать вчера днем, а закончил сегодня рано утром, потому что пришлось много прочитать, многое продумать. Там у меня есть ссылка на некоторые идеи Владимира Ивановича Шалака, и мне пришлось просить его, чтобы он подтвердил корректность их изложения. В результате получился текст около полулиста. Я не знаю, какое пространство выделит нам Борис Исаевич, если выделит...

Лекторский: Нет, не выделит, столько не выделит.

Михайлов: Хорошо. Проходя по тексту монографии А.В. Сминова, идеи которого мы сегодня обсуждаем, я встретил утверждение (пересказываю его своими словами): *традиция десубъективации человека, заложенная марксизмом*, – здесь я ставлю жирный вопросительный знак – *и фрейдизмом, включает претензии когнитивных наук на исчерпывающее объяснение сознания, субъективного мира, но они, когнитивные науки, оказываются неспособными на такое объяснение*. По поводу марксизма я мог бы привести длинную цитату из Маркса (но вы все ее знаете, она начинается со слов «когда действительный телесный человек, стоящий на хорошо округленной земле...» и т.д., то не полагание есть субъект, им оказывается субъективность предметных сущностных сил человека), то есть никакой десубъективации, по крайней мере, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», не было. Я бросился на защиту любимого марксизма, хотя это не такая уж важная проблема. Если говорить о целенаправленной десубъективации, то она идет, скорее, от постструктурализма (интерпретация

субъекта как результата индивидуализирующих практик у Мишеля Фуко) и постмодернизма (от известного положения о «смерти автора» у Ролана Барта). Что касается неспособности когнитивных наук объяснить сознание. Как и в прошлый раз я пытаюсь разделить понятия: о чем мы, собственно, говорим? В прошлый раз я поделил сознание на две равные или неравные части: *mind* и *consciousness*. Здесь я говорю о том, что нужно выделить три такие части: это интеллект (*mind*), это контроль, включающий отчет, – то, что схватывается английским понятием *awareness*, и это собственно феноменальное сознание. Так вот, понятно, что с интеллектом когнитивные науки справляются (в шахматы обыгрывают, в го обыгрывают и т.д.) Что касается сознания как контроля в смысле *consciousness*, здесь успехов пока меньше. Но есть ряд конкурирующих теорий: теория глобального рабочего пространства, теория интегрированной информации и множество различных менее известных теорий, которые изложены в статье, на которую я ссылаюсь и в прошлый раз, – «Жесткие критерии для эмпирических теорий сознания». Я думаю, что научная конкуренция приведет к парадигмализации одной из этих теорий. На основании ее будут также созданы в том числе искусственные системы, которые будут обладать сознанием в этом смысле слова, в смысле контроля и отчета. А вот что касается феноменального сознания, здесь успехи действительно более чем скромные, то есть их просто нет. Но, во-первых, я думаю, что возможны два варианта осмысления эти проблемы. Первый вариант – это то, что она все-таки решаемая, но решаемая методом маленьких шагов. Мы сначала на биологическом уровне изучаем чувствительность простейших организмов, эволюционно просматриваем их вплоть до нейронов развитого мозга, которые отвечают за чувствительность, смотрим, как одно развивается в другое, и находим какие-то объяснения. Это не гарантирует успеха, с моей точки зрения, но и не делает его абсолютно невозможным. И вторая возможность отнестись к этой проблеме – это уже сейчас и на веки вечные объявить ее научно не решаемой, причислить ее к знаменитому списку *ignoramus et ignorabimus* Эмиля Дюбуа-Реймона, который был опубликован в 50-х гг. XIX в., и как бы забыть. Сказать: да, вот с этой проблемой когнитивные науки, теория искусственного интеллекта никогда не справятся. Но самое-то главное, что дальнейшее рассуждение Андрея Вадимовича показывает, что сознание в этом последнем смысле он никак не понимает и не использует. Далее. Что касается декартовского *cogito*, это интересно, и Константин Александрович увидел в нем какой-то смысловой центр философии сознания Андрея Вадимовича, который говорит о том, что вся посткартезианская философия есть выполнение картезианской программы. Декарт задал направление, и вся европейская философия по нему идет. Я возражаю. Декартовское *cogito ergo sum* критиковали Юм, Паскаль, Рассел, Деннет. Это только те, кто первыми приходят на ум. Вообще философская судьба Декарта в чем-то похожа на таковую Платона: все считают его великим философом, но почти все используют его доктрины в качестве примеров того, как делать не надо. В аналитической философии сознания карикатурный деннетовский термин «картезианский театр» означает такое понимание сознания, от которого следует срочно избавиться. Поэтому вся посткартезианская философия есть скорее история сопротивления картезианской программе. Что же касается силлогистического понимания *cogito* (о чем Константин Александрович тоже говорил), то сам его автор в ряде мест возражает против такого понимания, настаивая на интуитивной очевидности этой мысли. Однако «следовательно» очевидным образом делит это высказывание на две элементарные части. Антуан Тома предложил формулировку, которая в большей степени отражает ход мысли Декарта. По-французски *je doute, donc je pense, donc je suis*, то есть «я сомневаюсь, следовательно, я мыслю, следовательно, я существую».

Лекторский: Правильно.

Михайлов: Здесь уже не остается сомнения в выводном характере этого утверждения, что бы ни утверждал Декарт, явно находившийся под влиянием аналогичных рассуждений Августина. «Сомневаюсь, следовательно, мыслю» истинно ровно настолько, насколько верно, что сомнение есть частный случай мышления. А вот «мыслю, следовательно существую» можно доказать путем вывода по закону контрапозиции

из как бы очевидно истинного: если *икс* не существует, то *икс* не мыслит. Однако, например, Родион Раскольников в реальности не существует, но мы все с разной степени подробностью знакомы с его мыслями. Можно вспомнить знаменитую концепцию инонационального несуществования Ф. Брентано, породившую огромную массу публикаций в аналитической философии (я тоже об этом писал). Кто-то, возможно, возразит, что мыслит не Раскольников, а автор за него. Однако, если верно, что если Гарри Поттер носит очки, то носит их именно он, а не Джоан Роулинг. Следовательно, если философское «я» – такой же «литературный герой» в смысле интенционального несуществования, как полагают, например, такие разные философы, как Рассел и Фуко, то я вполне могу мыслить не существуя. Иными словами, ничего самоочевидного или логически оправданного в этом ходе Декартовой мысли нет. Ну и, наконец, вся эта история с *cogito* есть не часть философии сознания, а исходный пункт методологического сомнения – предприятия по обоснованию несомненного надежного знания, то есть часть эпистемологии, а не метафизики. В качестве философии сознания Декарта скорее подойдет концепция шишковидной железы как театра, в котором *res cogitans* являет себя зрителю. Далее. Концепция разворачивания свернутого проходит красной нитью через всю «философию сознания» Андрея Вадимовича и, на мой взгляд, раскрывает ее, по сути, гегельянский характер. На обыденном уровне мы можем развернуть только то, что свернуто, то есть уже предзадано. Например, газету с уже опубликованными статьями, которые не порождаются актом разворачивания газеты. В арифметике мы можем построить, развернуть, если хотите, ряд нечетных чисел, пользуясь формулой $2n+1$ как порождающим принципом. Гегель в качестве такового пользуется принципом триады, порождая впечатляющее полотно категорий, правда, обильно прибегаая, на мой взгляд, к натяжкам. Андрей Вадимович, я думаю, в качестве таких порождающих принципов предложит субъект-предикатные склейки, одну субстанциальную, другую процессуальную. Но проблема здесь в переходе к каждому следующему шагу. В арифметике мы делаем: $2 \times 0 + 1 = 1$, $2 \times 1 + 1 = 3$, и т.д. Гегель же говорит: бытие в антитезисе порождает небытие, они оба в синтезе порождают качество, качество в антитезисе порождает количество, они оба в синтезе порождают меру и т.д. Не все так очевидно, как он хотел бы представить, но тем не менее. А как, даже имея самое детальное описание той или иной склейки, мы будем переходить от одного высказывания в рамках данной большой культуры к другому? Или в чем тогда смысл разворачивания смысла? Я вижу два возможных решения. Первое – слабое. Всякая большая культура существует как эмпирически данный набор высказываний. Например, суры Корана, нормы в конфуцианстве и т.д., которые могут быть правильно поняты только с учетом соответствующей склейки. Такое возможно, но при чем тогда здесь разворачивание? Второе – сильное. Зная форму или принцип склейки, можно реконструировать все существенные максимы соответствующей большой культуры. Так же, как мы можем реконструировать любое нечетное число. Но тогда, во-первых, нужна более детальная разработка всех этих склеек как порождающих формул, а во-вторых, тогда «философия сознания» Андрея Вадимовича превращается в одну из разновидностей того самого рационализма, в неоправданной универсальности которого он упрекает (несправедливо, на мой взгляд) всю европейскую философию: в разновидность рационализма гегельянского типа.

Владимир Иванович Шалак в свое время занимался так называемой протологикой. Он абстрактно определял ее как теорию оперирования с объектами мысли, которая по своей природе гораздо более фундаментальна, чем современная логика. В отличие от современной логики, протологика должна выразить конструирующие способности человеческого разума. Шалак строит некий формальный язык с правилами вывода, из которых первое, согласно его неформальной интерпретации, формализует человеческую способность конструктивной деятельности, второе – способность к обобщению, абстракции и идеализации, третье – способность к теоретической деятельности, четвертое – к вычислениям вообще и к дедукции в частности. По его мнению, протологику «можно рассматривать как глубинное ядро любого языка». А поскольку в протологике с помощью операции определения можно выразить любую арифметическую

функцию, то (и вот дальше интересно) «арифметика является априорной языковой структурой, существование которой совершенно не зависит от конкретных моделей и интерпретаций». Последнее утверждение может, на мой взгляд, пролить свет на то обстоятельство, что, даже говоря о возможности культурно-специфических логик, никому не приходит в голову предполагать существование какой-нибудь неевропейской, например арабской, математики. А ведь если логика основана на изначальных содержательных или смысловых интуициях и склейках, то математика как минимум ничем не хуже. Не будучи специалистом, я не могу оценить качество и эффективность предложенной Шалаком формализации, но сам подход мне представляется философски верным. В статье на примере комбинаторной логики Шейнфинкеля-Карри показывается, как всякий эффективный вывод в любой логике должен быть представим в языке протологики. Если качественно описанная Адреем Вадимовичем П-логика является собственно логикой, то есть содержит явные правила вывода, и ее выводы являются эффективными, то есть могут быть воспроизведены любым, кто знает правила, она так же должна быть выражима в протологике. И тогда особенности ее субъект-предикатной склейки могут быть дополнительно заданы особым протологическим определением, правилом вывода или иным элементом тонкой настройки формального языка, поскольку, говоря словами Шалака: «на некотором шаге построения одного из рассуждений протологики (одной из ветвей дерева) мы начинаем использовать новые правила добавления знаков, которые не могут быть обоснованы внутренними свойствами знаковой системы». И тогда она, в принципе, формализуема, а явные принципы ее функционирования, коль скоро таковые имеются, могут перейти из области не совсем ясных интуиций в мир однозначных и наглядно представимых правил. Ну и, наконец, термин «склейка» (*glue*, по-английски) применяется в топологии, а свертывание (*convolution*) – в теории вычислений. Это я к тому, что строгие определения этих терминов вполне возможны. Спасибо.

Конев: Можно вопрос? Академик Щербатской, рассматривая буддистскую логику, показывает, что там умозаключение выстраивается из пяти суждений. В европейской логике три суждения. Почему, на Ваш взгляд, у индийцев пять вместо трех?

Михайлов: Насколько я знаю европейскую силлогистику, в ней не ограничивается количество посылок. Почему именно три суждения? Может быть три, может быть пять. Все зависит от логических отношений между ними.

Конев: Классический силлогизм – три, а там классический – пять.

Михайлов: Это что касается простого категорического силлогизма. Но даже ученики Аристотеля выделяли большее количество силлогизмов.

Конев: Хорошо, давайте возьмем категорический, который, как мы только к логике обращаемся, сразу приводим в качестве примера. Почему существует в одном случае три, в другом случае пять посылок?

Михайлов: Уж я-то точно не могу ответить на этот вопрос, потому что я не знаю, как строится буддистский силлогизм. Если бы я на него посмотрел, то, может быть, можно было бы что-то сказать. Но, кстати говоря, я в статье «Могут ли люди мыслить по-разному?» хотел показать, что Андрей Вадимович в подтверждение своей концепции использует некий логический аппарат и логические аргументы, которые сводятся к тому, что существуют силлогизмы, невыразимые в том, что он называет европейской логикой. Я попытался там показать, что они на самом деле выразимы.

Парибок: Я просто хотел сказать, что не надо поднимать здесь тему индийской логики, это тема отдельного обсуждения.

Конев: Я задал этот вопрос потому, что коллега Михайлов резко выступает против того, что существуют разные логики в разных культурах, а, на мой взгляд, они реально есть.

Лекторский: Для вас реально, для меня нет.

Михайлов: Я готов дать пояснения, когда мне Владислав Александрович позволит.

Лекторский: Да, пожалуйста. Я вам позволяю.

Михайлов: Спасибо. Мое главное контр-утверждение заключается не в том, что альтернативных логик не существует, и не в том, что непохожих культур не существует.

Эмпирически нам известно, что они существуют. Я против того, чтобы корень этой непохожести искать в том, что Андрей Вадимович называет логикой, потому что эволюция, теоретическая эволюция, ну скажем, европейской науки и философии, привела к тому, на мой взгляд (с этим можно спорить, но так я вижу результат этого процесса), что то, что называлось логикой во времена Аристотеля, эволюционировало в логику как фактически раздел математики. И именно в этом качестве логика сегодня имеет важнейшее практическое значение. А то, как презентует Андрей Вадимович так называемую логику, мне кажется неким (извините за такое выражение) гегельянским атавизмом, который не отделяет форму от содержания, видит в этом какое-то диалектическое единство. А в результате все это приходит к описанию каких-то процедур, которые невозможно предсказать, объяснить, сделать общезначимыми и которые вообще каждый понимает как хочет. И диалоги философов на эту тему, как и на многие другие темы, связанные с так называемой континентальной философией, как мне кажется, строятся по очень простому принципу: каждый на уровне индивидуальной психологии понимает какой-то очень глубокомысленный и красиво звучащий термин так, как он это понимает, а диалог строится так, как будто люди понимают его одинаково, хотя на самом деле это не так.

Конев: Логика, которая развивалась от Аристотеля и закончилась математической логикой, имеет историю в 2500 лет. Если говорить о возможности П-логики, то она имеет не большее ста лет, подождем...

Лекторский: Дорогие друзья, много вопросов поставлено Игорем Феликсовичем, хочу сказать по поводу только одного из них. Насчет Декарта вы неправы. Вся последекартовская философия – это, с одной стороны, критика Декарта, а с другой – движении в русле некоторых его основных идей. Кант критиковал Декарта, но без Декарта Кант был бы невозможен. Недаром, по Канту, каждое наше суждение явным или неявным образом предполагает утверждение «Я мыслю». А Гуссерль? Недаром он написал «Картезианские размышления», а саму феноменологию долго понимал как «Эгологию». А Сартр? Разве дуализм бытия и ничто не есть современное издание декартовского дуализма? Между тем сегодня феноменология популярна не только в континентальной, но и в американской философии. Издается в США популярный журнал «Феноменология и когнитивная наука», в котором обсуждаются самые современные проблемы. Декартовская проблематика обсуждается сегодня и в аналитической философии, в которой есть не только Деннет, но и такие влиятельные фигуры, как Чалмерс, Блок и другие. Это во-первых. Во-вторых, насчет понимания *cogito ergo sum*. *Cogito ergo sum* – это все-таки не силлогизм. *Cogito* в переводе на русский язык значит «Мыслю». Это глагол первого лица. Значит, первое лицо уже предположено, в самом глаголе уже заложено существование того, кто мыслит. Поэтому вывод «следовательно, существую» не вывод силлогизма, а экспликация содержания глагола *Cogito*. Что касается универсальности логики – это уже другой вопрос, он непростой, мы его сегодня и обсуждаем. Мне приходилось высказываться по этому вопросу не один раз, сейчас я не буду излагать свою точку зрения на эту проблему.

Михайлов: Нет, я не говорю, что феноменология исчезла. Я сказал, что логика изменила свою форму.

Лекторский: Нет, я говорю о Декарте. Декарт задал направление движения всей европейской философии на последующие триста лет, я так считаю. И другие так думают. Это доклад нужно делать, большой доклад, а не участвовать в «круглом столе».

Дорогие друзья, спасибо большое. Все выступили. Мне показалось, что было очень интересное обсуждение. Идеи Андрея Вадимовича мы все знаем, и я их знаю хорошо. Я считаю, что очень важная проблематика, и важны многие идеи Андрея Вадимовича. С некоторыми его идеями я не совсем согласен, об этом я уже писал и говорил. Но я хочу обратить внимание на то, что проблематика, которую мы обсуждали сегодня, в высшей степени важна и теоретически для понимания философии, и я бы сказал, практически об этом немножко и говорили. Ведь одна из проблем

современного мира – это возможность взаимопонимания. Если разные культуры так различны, что у них разные онтологии, разная логика, как возможно взаимопонимание между представителями этих разных культур и возможно ли вообще оно? Вот как вы помните, Томас Кун в свое время сформулировал идею разных научных парадигм, которые несоизмеримы и поэтому непередаваемы. Их представители живут в разных мирах. По Куну, они не могут понимать друг друга, они не могут даже спорить, не могут ничего обсуждать, так как в одни и те же слова вкладывают разный смысл. Эти идеи Куна были популярны в философии науки, но потом от них пришлось отказаться, так как куновская концепция не позволяла понять реальный процесс научных коммуникаций и отношение между разными концептуальными каркасами... А если представители разных культур живут в разных мирах, как они могут общаться, как могут принимать друг друга? Как возможен перевод языка одной культуры на язык другой, на нее принципиально не похожей? Проблема перевода – это не техническая, а большая философская проблема, и она сегодня обсуждается в аналитической философии. Возможен ли адекватный перевод? Или он не возможен в принципе? Как возможен межкультурный диалог, если возможен? Толерантность и диалог – это разные вещи. Можно быть толерантным, уважать другую культуру, так сказать, не трогать ее, но не быть способным ее понимать. В общем, это целый ряд вопросов, которые в высшей степени злободневны. То, что Андрей Вадимович делает, очень важно. Он впервые в нашей философии обратил внимание на такие проблемы, которые в самом деле дают возможность иначе понять и самих себя, и собственную культуру.

И теперь, Андрей Вадимович, пожалуйста, я даю вам слово.

Смирнов: Прежде всего, я хочу всех поблагодарить. Думаю, что теперь мы не просто можем, но и должны дополнить название нашего «круглого стола» словами «...и не только». Таков главный итог разговора. Логика смысла – это не просто моя концепция, это тот большой шаг, который сделает философия и который давно назрел. Об этом хорошо говорила Л.Т. Рыскельдиева и другие участники. Настало время создать интегративную логико-смысловую теорию. Меня порадовало совпадение, едва ли не полное, моих представлений и мыслей А.В. Парибка о том, что история человечества дала нам четыре логики смысла, развернутые в четырех больших культурно-цивилизационных «материках»: Европа, арабо-мусульманский мир, Южная Азия (Индия) и Дальний Восток (Китай). Идея четырех логик смысла пришла мне очень давно, лет тридцать назад, когда я только начинал заниматься этой проблематикой. Но я всегда боялся легких и красивых схем, помня слова одного физика: если у вас очень гладко складывается теория, забудьте обо всем, зайдите в кабинет и не выходите, пока не найдете ошибку. Но похоже, что дело обстоит именно так, и первая интегративная логико-смысловая теория будет собирать четыре варианта логики смыслополагания. Думаю, что эта задача будет в основном решена в ближайшую пару-тройку лет. Однако это станет лишь первым шагом: впереди огромная работа на том новом фундаменте, который будет заложен логикой смысла.

Сегодня в выступлениях практически всех участников прозвучали ключевые категории логико-смысловой теории: целостность, связность, смысл. Тот факт, что это было уловлено, и уловлено точно, не может не радовать. Поймано *начало* – то самое неуловимое начало сознания, а значит, и начало философии, мимо которого всегда проскакивали, не замечая его и переходя сразу к развернутым, дискурсивным конструкциям. Это удачно подметил Стросон, сказав, что сегодня никто не понимает простой вещи: как субъект и предикат соединяются в предложение языка или в логически выверенное высказывание. Здесь мы и встречаемся впервые с разворачиванием свернутого, в котором И.Ф. Михайлов по какой-то причине ошибочно увидел диалектическую логику. Да, диалектическая логика пытается уловить связность, и работа со связностью идет в философии по меньшей мере начиная с Платона, но диалектическая логика работает не с самой связностью, а с дискурсивной развернутостью, пытаюсь в ней обнаружить механику связности. А логика смысла заглядывает

в саму связность – вот в чем разница. Когда-то Аристотель задал вопрос: что такое бытие как таковое, делающее возможным бытийствование вещей? Примерно то же делает логика смысла, спрашивая: что такое связность как таковая, благодаря которой становится возможным все, что мы воспринимаем как связанное? вся жизнь нашего сознания? И предлагает ответ на этот вопрос. Найти ответ на первый вопрос (который так и оставался «вечным» вопросом для европейской философии) можно, только ответив на второй. И лишь потому, что ответ на второй вопрос не был найден, европейская философия считала вечными проблемы вроде проблемы бытия или трудной проблемы сознания.

Суть логики смысла – понять, почему и как возможно восприятие мира как связанных ансамблей вещей, язык как связность (а не набор знаков), высказывание и рассуждение, разворачивающие связность и без нее невозможные. Связность, укорененная в целостности, лежит в основании всего этого – всей жизни нашего сознания и всех его проявлений, всей его деятельности, которая суммируется как связывание «что» и «какое» в неразъемное «что-и-какое». И здесь опять не могу не отметить совпадение нынешних моих поисков с тем, на что указал А.В. Парибок. Свернутым, не конкретизированным (то есть не развернутым) выражением ключевой способности человеческого сознания к связности я бы предложил считать выражение «что-и-какое». В самом деле, мы никогда не видим в мире, не говорим о и не теоретизируем по поводу чистого «что» (оно невозможно в мысли, как показали неоплатоники на примере ускользания Единого от любых попыток осмысления) или чистого «какое». Мы всегда имеем дело, в восприятии ли мира, в языке или в мышлении, со связностью «что-и-какое». Логика смысла – именно об этом, об этой исходной точке нашего сознания – той точке, из которой, прямо по Николаю Кузанскому, и разворачивается наше сознание и мир-в-нашем-сознании. Но, в отличие от великого предшественника, мы сегодня можем рационализировать и это начало, эту точку, и разворачивание, указав конкретные «механизмы» (или, как говорил И.Ф. Михайлов, эффективные процедуры) задания технологии связывания «что» и «какое». Конечно, неценимой подсказкой здесь будет языковой опыт, и то, о чем говорил С.Ю. Бородай, очень ценно в этом контексте. Но языков на два порядка (!) больше, чем логик смысла, и надо найти точное сопряжение способа исследования языка и логики смысла, вычленив в языке те области, те участки, которые непосредственно и напрямую зависят от логики смысла и потому будут, *mutatis mutandis*, общими для языков, испытавших влияние одной логики смысла. Это не обязательно совпадает с генеалогией языков, и в этом отношении хорошую службу может послужить понятие языкового союза (в отличие от языковой семьи), введенное С.Н. Трубецким и развитое Р.О. Якобсоном. Ясно, что от логики смысла напрямую зависит в языке исполнение связочной функции (как именно связываются «что» и «какое» в высказывание или в устойчивую конструкцию). Зависит также то, каким является исходный, фонетико-фонематический строй языка (это ведь тоже «что-и-какое»): я показал это на примере категории *харф* в арабском языкознании, и аналогичные исследования для других логик смысла и подчиняющихся им языков дадут интересные результаты. Ясно, что от логики смысла зависит словообразование и словоизменение, и то, как оно устроено в арабском языке, еще предстоит исследовать с этой точки зрения. От логики смысла напрямую зависят риторика и поэтика, поскольку они непосредственно работают со связностью.

Как и предсказывает И.Ф. Михайлов, любые сегменты большой культуры зависят от одной из четырех логик смысла и определяются ею, дискурсивно разворачиваясь под ее определяющим влиянием. И это влияние можно и нужно проследить – что, собственно, делается и будет делаться в моих работах и в публикациях моих коллег. Так мы можем описать другую большую культуру в *ее*, а не *наших* терминах, опираясь на *ее*, а не наш категориальный аппарат. Иначе говоря, так мы постигаем другое мышление – то, чего европейская философия до сих пор делать не умела, поскольку не знала пути выхода за тот предельный категориально-логический круг,

которым она ограничена. Всякий знает, что это за круг: достаточно взять в руки университетский учебник под названием «Философия», чтобы увидеть *догматически* вводимый набор базовых категорий (бытие, материальное и идеальное, субъект и объект, абстрактное и т.д.) и логических законов (закон противоречия, закон сохранения), о которых я говорю. Фантастические перспективы открываются возможностью *мыслить иначе* – именно мыслить, строго и логически ответственно делать *то же*, что научилась делать европейская философия и наука, но делать это *иначе*. Это ведь касается всех областей мысли, в том числе математики – об этом нередко говорит К.А. Павлов-Пинус. Это касается и собственно философской тематики и проблематики, в которую сейчас погружены философы. Об этом интересно говорили В.А. Конев и Н.А. Касавина.

Логика смысла дает возможность проследить, как формируется исходный, начальный (разворачивающийся *начало*) теоретический аппарат европейского мышления. А значит, отнестись к нему рефлексивно, перестать принимать его за единственно возможный. Между тем его происхождение до сих пор не могла внятно объяснить ни логика, ни философия. Он принимается как данный – данный кем или чем? А логика смысла умеет отвечать на этот вопрос. Это значит, что мы можем 1) дать отчет в том, почему мы применяем именно этот аппарат исходных категорий и логических законов, 2) указать границы его применения и 3) показать возможность мыслить иначе – на основе иначе развернутого исходного круга базовых категорий и логических законов. Логика смысла и есть «протологика» по праву, поскольку именно логика смысла показывает, откуда и как берется исходный материал для строительства и философии, и логики. И.Ф. Михайлов говорил о введении знаков как о решении задачи объяснения любого нового. Лучше всего новые знаки умеют вводить чайки рано утром на пустом пляже, на гладком песке, еще не истоптанном купающимися. Какие узоры! Но ведь они бессмысленны, скажете вы. Конечно; как и любой знак, в том числе логический. Как придается смысл логическим знакам, всем и с самого начала – кто может ответить на этот вопрос, тот и создал протологику. И протоматематику, раз уж на то пошло. А что, кроме логики смысла, способно ответить на него?

Все мы хотим видеть практические результаты своей теоретической работы. Практика – критерий истинности, и это вряд ли можно оспорить: если теория не работает, какой в ней толк? Логика смысла дает практический результат, во-первых, там, где развитие теории и есть практика. Логико-смысловой подход позволяет объяснить то, что остается необъяснимым для теорий, созданных на европейском материале. Примеров такого сбоя европейского мышления на неевропейском материале более чем достаточно, я много раз об этом писал и не буду сейчас в это углубляться. И во-вторых, логика смысла дает практический результат в чистой, так сказать, практике. Об этом говорил В.К. Солондаев: понятие процессуальной логики приживается в психологии и дает новые возможности как практикующим врачам, так и психологам, с ними работающим. Это – только начало, но начало очень серьезное и обнадеживающее. Но чтобы дать такой практический результат, процессуальная логика должна быть развернута по логико-смысловой технологии с самого начала, с исходной склейки «что-икакое»: такое разворачивание выстроит ее не как вариант субстанциальной логики (а так получилось у В.И. Шалака), но как самостоятельную логику смыслополагания. Только тогда от нее будет практический толк.

Логика смысла пришла к нам всерьез и надолго – об этом говорила Р.В. Псху, это же затрагивала и Л.Т. Рыскельдиева. Другое мышление теперь открыто нам во всей своей инаковости, и это не только дает новые возможности, но и ставит новые вопросы, предстает как новый вызов. С этой инаковостью, взятой и принятой всерьез, без редукции к своему привычному – с Другим как иным, а не как alter ego, – нам предстоит научиться жить. И эту задачу не поставить и не решить без логики смысла.

Лекторский: То что сегодня обсуждалось, связано с попыткой понять, что в мире происходит, где мы живем, куда мы движемся, чего нам ожидать. Я хочу поблагодарить

всех участников «круглого стола» и Андрея Вадимовича прежде всего, как автора тех идей, которые сегодня обсуждались, и выразить надежду, что эти проблемы мы будем обсуждать и дальше, потому что они не просто философские, а жизненные. Если позволите, я на этом хочу закончить.

Пружинин: Спасибо, Владислав Александрович, за ведение этого «круглого стола». Спасибо всем. Получилось, по-моему, интересно.

Сведения об авторах

ПРУЖИНИН Борис Исаевич –

доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии».

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович –

доктор философских наук, академик РАН, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

БОРОДАЙ Сергей Юрьевич –

магистр филологических наук, научный сотрудник Института философии РАН.

КАСАВИНА Надежда Александровна –

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

КОНЕВ Владимир Александрович –

доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. акад. С.П. Королева.

МИХАЙЛОВ Игорь Феликсович –

кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

ПАВЛОВ-ПИНУС Константин Александрович –

кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

ПАРИБОК Андрей Всеволодович –

кандидат филологических наук старший научный сотрудник центра «Пурушоттама», РУДН.

ПСХУ Рузана Владимировна –

доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, главный научный сотрудник, зам. начальника научной лаборатории «Центр исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама» РУДН.

Author's Information

PRUZHININ Boris I. –

DSc in Philosophy, Main Research Fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, editor-in-chief, "Voprosy Filosofii".

LEKTORSKY Vladislav A. –

DSc in Philosophy, Full Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Main Research Fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

BORODAY Sergey Yu. –

Master in Philology, Research Fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

KASAVINA Nadezhda A. –

DSc in Philosophy, Associate professor, Leading Research Fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

KONEV Vladimir A. –

DSc in Philosophy, Professor of Department of Philosophy, Samara National Research University.

MIKHAILOV Igor F. –

CSc in Philosophy, Senior Research Fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

PAVLOV-PINUS Konstantin –

CSc in Philosophy, Senior Research Fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

PARIBOK Andrey V. –

CSc in Philology, Senior research fellow in the Center "Purushottama", RUDN University.

PSKHU Ruzana V. –

DSc in Philosophy, Professor of the Department of History of Philosophy, Vice-Chief of Purushottama Research Centre of RUDN-University.

РЫСКЕЛЬДИЕВА Лора Турарбековна –
доктор философских наук,
профессор КФУ имени В.И. Вернадского.

RYSKELDIYEVA Lora T. –
DSc in Philosophy, Professor
Vernadsky Crimean Federal University.

СМИРНОВ Андрей Вадимович –
доктор философских наук, академик РАН,
главный научный сотрудник
Института философии РАН.

SMIRNOV Andrey V. –
DSc in Philosophy, Full Member
of the Russian Academy of Sciences,
Main Research Fellow of the Institute
of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

СОЛОНДАЕВ Владимир Константинович –
кандидат психологических наук,
доцент ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

SOLONDAEV Vladimir K. –
CSc in Psychology, Associate Professor
of the P.G. Demidov Yaroslavl State University.